

«Культура имеет значение»: к предыстории российского транзита

А.Ю. ЗУДИН

В отечественной и зарубежной научной литературе «перестройка» и реформы постсоветского периода чаще всего объясняются безальтернативным выбором политического руководства в условиях растущих ресурсных ограничений в экономике, военной и внешнеполитической сферах. В то же время культура предрформенного и трансформирующегося общества, т. е. совокупность ценностей, норм и представлений, обеспечивающих социальные действия необходимыми стимулами, образцами и регуляторами, преимущественно оценивается как фактор, сдерживающий глубокие общественные перемены. Считается, что глубинной причиной многочисленных трудностей, с которыми с конца 80-х годов сталкивается формирование нового общественного уклада, служит отсутствие необходимых культурных ресурсов.

Вниманию читателя предлагаются первые три главы из монографии А.Ю. Зудина «Россия: культурные сдвиги, 1953—2001 гг.» (готовится к публикации в издательстве ГУ—ВШЭ).*

По мнению автора, тезис о культурной неподготовленности России к переменам нуждается в уточнении. Сквозной анализ культурных сдвигов за 30-летний период, предшествовавший началу реформ, обнаруживает постоянное увеличение модернизационного потенциала позднесоветского общества. Масштаб и глубина сдвигов в направлении модернизации была такова, что к концу позднесоветского периода их присутствие в различной степени ощущалось почти на всем пространстве официальной культуры. Автор приходит к выводу, что итоги позднесоветской культурной трансформации стали важным фактором российского «транзита».

Советская культура: единообразие или плюрализм?

До недавнего времени наибольшим распространением пользовалась «монотипическая» модель культуры советского общества, которая мало чем отличалась от ее «официального автопортрета». В обоих случаях советская культура изображалась внутренне однородной и непроницаемой для дифференциации. В такой интерпретации культурные основы советского общества исключали (хотя и по разным причинам) возможность возникновения идеологического и поли-

* Другие разделы, посвященные позднесоветскому периоду, были опубликованы ранее. См.: [Зудин 1999а; 1999б].

«Культура имеет значение»: к предистории российского транзита

тического плюрализма. Официальная формула («национальная по форме, социалистическая по содержанию») достаточно точно описывала условия существования всех основных компонентов «разрешенной» культуры (а не только «национальных»).

Лишь официальная культура наделялась правом «общественной репрезентации» — условием общественной «востребованности» культуры и превращения ее в социальный феномен [Ионин 1996]. Реликтовые вкрапления прежних исторических эпох, не поддававшиеся ассимиляции или подчинению (национальные культуры и религии), подавлялись коммунистическим режимом и были фактически лишены возможности предъявлять себя обществу на законных основаниях. Поставив в центр внимания предзаданную норму и необходимость «общественной репрезентации», моностилистическая модель достаточно точно описывает внешние параметры функционирования советской культуры. В то же время остается неясным, в какой мере и на какую глубину «моностилистика» способна определять реальное, эмпирически наблюдаемое состояние культуры. Не ясно и то, каким образом она может обеспечивать развитие культуры.

«Общественная репрезентация» не единственное условие социального существования культуры. Можно указать, по крайней мере, на два других условия ее жизнеспособности. Прежде всего — это обязательное соответствие культуры внутренним запросам личности. Культура служит не просто «резервуаром» для определенных норм и ценностей. Она наделена способностью порождать личностные смыслы, которые делают внутренне оправданным индивидуальное бытие каждого члена общества. Нормы и ценности только тогда воспринимаются обществом, когда соотносятся с актуальными, адекватными «ответами—смыслами». «Культуру во всем ее многообразии можно рассматривать как совокупность ответов — удачных или неудачных — на фундаментальные потребности человека, человеческих групп, личности...» [Соколов 1972, с. 95].

Принципиально важно, что развитая культура обладает способностью к порождению нового смысла — возможностью давать новые ответы на новые вопросы, которые время периодически ставит перед членами общества, каждый раз по-новому делать осмысленным индивидуальное бытие. Культура должна быть внутренне богата, чтобы справиться с этой ролью. Одним из показателей внутреннего богатства служит выделение «высокой» культуры, а также генетическая связь с одной из мировых религий [Геллнер 1995, с. 195—196].

Необходимо и определенное внешнее условие, которое делает возможным смыслопорождающую функцию культуры. Новые смыслы могут родиться только в том случае, когда культура и общество взаимодействуют в режиме диалога. Этот тезис всесторонне развивает в своих работах М. Бахтин. В них обосновывается «диалогическая природа общественной жизни», в которой она предстает как «незавершимый диалог со становящимся многоголосым смыслом» [Бахтин 1979, с. 324.]. Диалог представляет для культуры такую же жизненно необходимую форму существования, как внутреннее богатство и общественная репрезентация. Если общественная репрезентация создает условия для функционирования культуры, то ее способность к порождению новых смыслов (вместе со своими предпосылками — внутренним богатством и диалогичностью) создает условия для развития.

Возникает вопрос, каким образом заявленная внутренняя однородность советской культуры уживалась с этими условиями ее существования. Если точно и

буквально следовать логике моностилистической модели, необходимо исключить саму возможность развития советской культуры. Какие-либо изменения просто не могут иметь место, а развитие сводится к обычному воспроизводству уже готовых образцов и культурных форм. Все это находится в противоречии с многочисленными эмпирическими свидетельствами. Напрашивается вывод об ограниченной теоретической применимости моностилистической модели.

Культура советского общества принципиально не могла соответствовать своему «официальному автопортрету». Она просуществовала немногим более 70 лет, на протяжении жизни трех поколений. Будучи социологическим феноменом, вплетенным в жизнь общества, она не могла не меняться. Не могли оставаться без изменения и представления о том, каким должно быть нормативно заданное «культурное единство», поскольку «хранители» и проводники моностилистической нормы сами были частью неотвратимо и быстро менявшегося общества. Остается предположить, что развитие протекало вопреки моностилистике.

В моностилистической модели явно или неявно происходила подмена тоталитарных идеологических интенций и реального состояния советской культуры как «живого» социального феномена. Причина такой подмены кроется не только (а в некоторых случаях не столько) в объективных трудностях, в течение длительного времени препятствовавших эмпирическому изучению культуры советского общества. Не менее важную роль играли масштабы и мощь тоталитарной идеологической машины. Относительная быстрота интеграции и унификации большого и разнородного общества, а также первоначальная устойчивость культуры, созданной тоталитарным режимом, производили сильное впечатление на исследователей. Тоталитаризм гипнотизировал не только сторонников, но и противников, часть которых на какое-то время поверили в декларируемую способность тотальной идеологии создать однородную культуру и в существование последней.

По мере освобождения от гипноза и начала систематических исследований взгляд на советскую культуру начинает меняться. По понятным причинам этот пересмотр начался в работах западных авторов [Волков 1997]. Теперь новый взгляд на культуру советского общества утверждается и в отечественных исследованиях. Моностилистика постепенно превращается из постоянной, по существу нормативной характеристики, во временное и неустойчивое состояние советской культуры.

Вместо набора застывших образцов, которые исправно воспроизводятся из поколения к поколению, советская культура предстает как развивающийся феномен. За фасадом идеологического единства и стилистического единообразия проступает (хотя и не всегда различимо) культурная трансформация. Изменение теоретической «оптики» ставит закономерные вопросы. Насколько дифференцированной была культура советского общества? Как протекала культурная дифференциация? Какими были ее результаты?

«Вертикаль» советской культуры

Базовое противоречие. В основе советской культуры было заложено глубокое исходное противоречие, обусловленное механизмом ее формирования. Класси-

«Культура имеет значение»: к предыстории российского транзита

ческая версия советской культуры основывалась на сакрализации секулярных (общественно-политических) ценностей и вытеснении сакральных («смысло-жизненных») ценностей на периферию. Несоответствие внутреннего содержания ценностей их официальному положению образует базовое противоречие советской культуры.

Постепенное изживание этого противоречия, растянувшееся почти на четыре десятилетия, образовало ось динамики советской культуры и в конечном счете привело ее к краху. На завершающей фазе эволюции значительную часть пространства официальной культуры заполняли периферийные по происхождению продукты, которым в ходе трансформации удалось продвинуться к центру культуры. Прежнее сакральное ядро удерживал в центре культуры только его официальный статус.

Тоталитарная реконструкция: идеология и архаика. Возникновение «базового» противоречия советской культуры было сопряжено с особенностями ее генезиса. Зарождение и последующее утверждение советской культуры были связаны с потрясениями такой силы, что их вполне можно назвать широкомасштабными социальными катастрофами. Мощные сдвиги переворачивают общественную иерархию культуры. На поверхности оказываются архаические культурные слои, которые по своей природе обладают повышенным тяготением к сакрализации. По мнению И. Яковенко, следствием стала «активизация архаических пластов культурной памяти. Произошел возврат к доосевым («осевое время» — термин для обозначения эпохи возникновения мировых религий. — А. З.), тотемическим представлениям о власти, содержащимся в массовой ментальности»*.

Лишившись дисциплинирующей силы исторически сложившейся культурной иерархии, архаика достаточно самостоятельно участвует в тоталитарной реконструкции культуры, хотя ведущую роль здесь играет тоталитарная идеология. Тоталитарная идеология расчищает путь культурной архаике, преодолевая сопротивление традиционного и современного пластов культуры. «Протокультура» советского тоталитаризма формировалась симбиозом коммунистической идеологии и культурной архаики.

Тоска по утраченной целостности. Свой вклад в тоталитарную реконструкцию внесли и особенности традиционной и модернизированной культуры предреволюционной России. Кратко эту особенность можно определить как внутреннюю «негерметичность» или слабую дифференцированность «базовой» русской культуры. Противоположное качество — «герметичность» — можно считать основным свойством современной культуры, которое она приобретает в период западноевропейского Нового времени в ходе и в результате секуляризации, после обособления рационального и магического (сакрального) начал. Культура обретает четкие внешние границы, внутреннюю дифференцированность и самодостаточность. Она уже не нуждается в каких-либо внешних оправданиях своего существования. Такое свойство культуры предполагает у ее творцов служение профессии, а не обществу, самой культуре, а не чему-то, расположенному вне нее. В России этот процесс начался позже, растянулся на несколько столетий и принимал сложные и противоречивые формы.

* См.: [Полис 1992, с. 189]. Развернутый анализ феномена «тоталитарного сознания» как архаического в своей основе содержится в работе: [Гозман, Эткнд 1989, с. 337—371].

Долгое время русская культура отличалась открытыми, до конца не определенными внутренними и внешними границами. Это свойство отмечали многие авторы. Еще Н.А. Бердяев писал о пронизывающей русскую историю «жажде целостного мирозерцания, в котором теория слита с жизнью, жажде веры... В требовании целостного отношения к миру и жизни можно разглядеть черту бессознательной религиозности». Продолжая эту мысль через три четверти века, Л. Седов отмечает, что «в отличие от Запада, Россия... не изжила монистической установки сознания, не отделила проблем спасения души от проблем мироустройства (дифференциация сфер нравственного и материального), а значит, не нашла способа сосуществования религии и науки. В России спасение и мироустройство понимается как одна задача» [Седов 1989, с. 440—441].

«Этос серьезности»: знаки, которые понимают буквально. Внутренняя недифференцированность и отсутствие четких границ, отделяющих культуру от жизни, унаследованные советской культурой от дореволюционной русской, — одна из отправных идей работы В. Паперного «Культура Два». В историческом пространстве от Ивана III до наших дней «эстетическое и внеэстетическое не связаны причинно-следственными связями, не протекают параллельно, не существуют независимо, но скорее вообще не отделены друг от друга. Искусство здесь слишком жизненно, а жизнь — слишком искусственна...»

Сравнительный анализ «эстетики войны» у Маяковского и Маринетти приводит автора к выводу: «Эстетизация уничтожения возможна лишь в таком сознании, которое свободно от мифологического отождествления обозначающего с обозначаемым, в знаковом сознании... В русской литературе не могло быть эстетизации войны, потому что эта литература никогда не была отделена от жизни в такой степени, как, скажем, в Западной Европе» [Паперный 1996, с. 18,317-318].

Благодаря этому в русской культуре долгое время отсутствовало представление о конвенциональности (условности) знака. Эта особенность пронизывает историю России на всю глубину. «Можно сказать, что в основе раскола лежит культурный конфликт, но необходимо при этом оговориться, что культурные — в частности семиотические и филологические, — разногласия воспринимались, в сущности, как разногласия богословские. В Древней Руси не было богословия в собственном смысле (как специальной дисциплины), однако все в принципе могло восприниматься в теологическом ключе: не только содержание, но и форма могла восприниматься как отражение Божественной истины, как непосредственное свидетельство о Боге...»

В языке и изображении «ясно проявляется неконвенциональное отношение к знаку, характерное для традиционной русской культуры и сохраняющееся у старообрядцев: переживание знака как чего-то безусловного, внеположенного, от нас не зависящего» [Успенский 1996, с. 477, 506]. Это явление сохранилось и в послепетровский период. Чисто культурные феномены в самой культуре имели тенденцию пониматься буквально. «Раз поэзия названа пророчеством, поэт воспринимается как подлинный пророк». Характерной чертой русской культуры оказывается «переинтерпретация условного в своем генезисе уподобления в качестве безусловного тождества» [Живов 1996, с. 204, 223]. «Сакрализуются» не только поэты, но и фигуры монархов [Успенский, Живов 1996, с. 205—337].

На начальном этапе тоталитарной трансформации внутренняя «негерметичность» русской культуры заметно повысила привлекательность коммунистической культуры.

«Культура имеет значение»: к предыстории российского транзита

тического тоталитарного проекта и других, менее завершенных, но родственных ему идеологических систем (различные разновидности «русского социализма»), позволяя им претендовать на роль интеллектуальных фаворитов предреволюционного общества. На этапе тоталитарной реконструкции «негерметичность» облегчила возникновение симбиоза коммунистической идеологии и «высокой» культуры.

Сакрализирующая травма. Тоталитарная реконструкция закрепляет культурный переворот, порожденный социальными катастрофами. Тоталитарная идеология остается единственной легально существующей и обретает монополию на взаимодействие с прошедшим через глубокие культурные и психологические потрясения обществом. Принципиальное значение имеет тот факт, что тоталитарная идеология не просто навязывает себя обществу. Сакрализация секулярных ценностей опирается на особый психологический механизм.

Проходя через пустыню социальных катастроф, сопровождающих тоталитарную трансформацию, члены общества испытывают глубокие эмоциональные и когнитивные потрясения. Крах привычного социального порядка сопровождается распадом и девальвацией исторически сложившейся культурной иерархии. Человек одновременно испытывает острый страх и не менее острую потребность в обретении ориентиров, которые бы позволили найти смысл в происходящем. Вера, т. е. отключение рационального диалога, зачастую оказывается единственным способом сохранять внутреннее равновесие*.

Внутреннее принятие сугубо мирских ценностей как сакральных осуществляется через глубокую психологическую травму, которую наносит рождающая тоталитаризм социальная катастрофа (сакрализирующая травма). Усвоение ценностей, норм и культурных символов, предлагаемых официальной идеологией, достигалось через глубокие и травматические психологические переживания слабо опосредованными рациональными пластами психики, в связи с чем их можно сравнить с импринтингом. Пройдя через тоталитарную трансформацию, значительная часть общества с внутренней готовностью принимает ценности, нормы и символы, монополично предлагаемые ему тоталитарной идеологией. Ценности, усвоенные без участия или со слабым посредничеством рациональных пластов сознания, прочно укореняются в человеческой психике.

Устранение диалога. Становление коммунистического режима и связанная с этим сакрализация общественно-политических ценностей оказались сопряжены с реставрацией внедиалогического взаимодействия культуры и общества. Подавлялись главные атрибуты диалога — вопрос, личное мнение, дискуссия. Членов общества систематически отучали задавать вопросы на определенные темы. За общественно-политическими ценностями, образующими сакральное ядро культуры, закреплялся внедиалогический статус. Отсутствие диалога превращалось в культурную и поведенческую норму и приобретало характер «общественного приличия»: неприлично задавать вопросы по определенному кругу тем и уж тем более неприлично обсуждать их.

Подавлялся и здравый смысл, который в культуре также был вытеснен в зону профанных значений. Он был загнан в рамки обыденного сознания, за которым вместе с разрешенной средой его обитания — бытом — в официаль-

* Анализ религиозности как атрибута тоталитарного сознания можно найти в статье: [Фурман 1989, с. 402-428].

ной культуре прочно закрепились уничижительная оценка. Все житейское трактовалось как нечто приземленное и мелкое. В широкий обиход вошли внерациональные и внелогические способы обоснования суждений — вследствие соотнесения с авторитетом и апелляции к сакральности («Сталин сказал», «партия учит»). В официальной культуре «разумное» было растворено в идеологически «правильном».

Новая культурная иерархия. Тоталитарная реконструкция рождает новую культурную иерархию. Сакральным центром советской культуры становится доктринальное ядро коммунистической идеологии. Сугубо земные ценности обретают статус трансцендентных. Сакрализация обеспечивает им надежную защиту — она исключает вопросы и сомнения, наделяет высшие официальные ценности статусом непререкаемых истин и центральных символов культуры. Это сакральное ядро стало мощным полюсом притяжения внутри советской культуры. Притяжение сакрального ядра иерархически выстроило всю систему ценностей вокруг жесткой вертикальной оси.

Образовалась вертикаль советской культуры. Она была основана на подчинении всех ее компонентов сакральному ядру и была призвана превратить культуру в «единый монолит». Складывалась классическая версия советской культуры, которая впоследствии получила название «большой стиль» (Б. Гройс). Все диалогические взаимоотношения и связи в пространстве советской культуры были оборваны. Идеология задавала мировоззренческий вектор и ориентацию на всем пространстве советской культуры. Коммунизм стал абсолютным и непререкаемым общественным идеалом, в котором растворялись все остальные ценности. «Высокая» и «низкая» (массовая) культура оказались в подчиненном положении по отношению к высшим ценностям официальной идеологии.

Покорение «высокой культуры». Для «высокой» культуры идеология стала верховной инстанцией и опекуном. В то же время положение «высокой культуры» было привилегированным. Ее авторитет был призван подкрепить высшие ценности официальной идеологии, сосредоточенные в сакральном центре культуры. Симбиоз с коммунистической идеологией вознес «высокую» культуру на недостижимую высоту, а коммунистический режим превратил в проводника «классического наследия» и «классического стиля».

Сталинская культура «внедряла» и тиражировала художественные произведения высокого жанра. В кино преобладали снятые на пленку спектакли МХАТа, по радио звучала симфоническая музыка, литературу составляли оды в стихах и прозе. Пределом пошлости почитались старинные романсы, признаком нравственного разложения — интеллектуальный джаз. К искусству приходилось тянуться, даже в буквальном смысле: задирая голову к монументальной скульптуре, репродуктору, экрану (время телевизоров, которые смотришь сверху вниз, еще не наступило). Искусство, изливающееся сверху, носит сакральный характер» [*Вайль, Генис* 1996, с. 233]. Возникновение особых взаимоотношений с «сакральным ядром» вернуло носителям «высокой культуры» привилегированный статус в обществе. Советская культурная элита стала частью номенклатуры или оказалась на предноменклатурных социальных позициях.

«Высокая культура» в значительной степени принимала верховенство коммунистической идеологии. Это объясняется не только безальтернативностью социальных условий существования и предоставленными привилегиями. Многие высшие ценности официальной идеологии были органичны базовой куль-

«Культура имеет значение»: к предыстории российского транзита

туре России и созвучны исторической традиции, которой питалась энергия творцов «высокой культуры». Традиция общественного служения, ставшая идейным стержнем субкультуры русской интеллигенции, была поставлена на службу тоталитарной власти, ассимилирована и подчинена ей. Большая часть творцов и носителей «высокой культуры» идейно или психологически капитулировали перед официальной идеологией (С. Эйзенштейн, В. Мейерхольд, В. Маяковский, И. Бабель). Правда, среди деятелей «высокой культуры» оставались и непокоренные, например А. Ахматова. Но они находились в изоляции.

Интеграция «свежих фигур». Помимо классического наследия и его носителей официальная культура во многом питалась энергией «свежих» фигур и культурных продуктов (примерами могут служить лауреаты Сталинской премии А. Твардовский и В. Некрасов). После попадания в официальное поле, продуктивность творцов культуры зачастую заметно снижалась. Можно говорить о преобладании у официальной культуры экстенсивного способа существования (по неволе напрашиваются параллели со способом существования официальной экономики).

Важное значение здесь имело относительное расположение продуктов и творцов в пространстве официальной культуры. За немногими исключениями, близость к сакральному ядру в пространстве официальной культуры действовала смертельно на попадавшие в него продукты и их творцов. Официализация приводила к снижению продуктивности. Большой дееспособностью обладали продукты и творцы, хотя и включенные в пространство официальной культуры, но подвергшиеся официализации в ограниченных масштабах (популярные песни и кинофильмы). Способность притягивать «свежие» фигуры творцов официальная культура сохраняла в той мере, в которой продолжала действовать притягательность ее сакрального ядра и сохранялась жесткая монополия на общественную презентацию.

Ниже по лестнице новой культурной иерархии располагалась массовая культура. Ее первоначальные связи с официальной идеологией были еще более тесными и родственными. В отличие от «высокой культуры» она почти не имела предыстории, была прямым порождением идеологии и создавалась для идеологического воспитания масс. Задачи культурной интеграции общества, поставленные во главу угла коммунистическим режимом с момента его возникновения, решались через массовую культуру.

Триумф «родовых ценностей». Утверждение новой культурной иерархии сопровождалось глубокими изменениями в системе ценностей, норм и культурных символов советского общества. Сакрализации прежде всего подверглась система общественно-политических ценностей. Все, что было связано с общественным строем, политическим устройством, местом идеологии, партии и государства, целями общественного развития, зачислялось в разряд высших ценностей. Ценности «высокой» и обыденной культуры оказались подчиненными общественно-политическим. В новой культуре утверждался приоритет коллективного (родового) начала.

Центральное место в сакральном ядре занимает «героическое родовое время» (время рождения коммунистического режима) и события, с ним связанные (Октябрьская революция и Гражданская война). Положительные (как и отрицательные) персонажи «героического времени» соответствуют строгому официальному канону. Преданность вождю, партии, родине, теплота во взаи-

моотношениях с близкими и друзьями сочетается с беспощадностью к «врагам». Наиболее употребительные общие характеристики акцентируют именно бойцовские качества: «стойкий», «несгибаемый», «верный», «преданный». Настоящее время фактически лишено самостоятельной социальной ценности. Оно явно или неявно служит продолжением «героического времени» (Гражданская война продолжается в форме борьбы с «врагами народа»).

Индивидуальное существование само по себе лишалось внутреннего смысла и оправдания в культуре. Только во взаимосвязи и в соотношении с родовыми ценностями, средоточием которых выступало сакральное ядро культуры, жизнь отдельного человека приобретала смысл. Приоритет коллективистских ценностей легитимизировал принудительный коллективизм быта (коммунальные квартиры, общежития, бараки, казармы, стадионы, библиотеки-читальни, бани).

Во взаимоотношениях со всеми официальными носителями родовых ценностей господствовал приоритет обязанностей над правами («жила бы страна родная, и нету других забот»). Официальные герои того времени воплощали культ жертвенности и лишений. Насаждались исполнительность, включая особую дисциплину мышления, внутреннюю подчиненность требованиям официальной идеологии. Последнее качество именовалось сознательностью, к нему привычно апеллировали при возникновении нештатных ситуаций, когда использование дисциплины было невозможным. Обратной стороной высокой официальной ценности сознательности было подозрительное отношение к самостоятельной мысли («мнению»).

Труд трактовался как долг перед носителями родовых ценностей — партией, государством, производственным коллективом (но не перед семьей). Провозглашался безусловный приоритет работы над домом и развлечениями. Герой официальной культуры — это человек, который буквально живет работой. «Идеология советского общества была трудоцентристской, труд в ней имел своего рода священный, сакральный характер» [Магун 1997, с. 135]. Любые признаки повышенного внимания к устройению частной жизни и быта квалифицировались как мещанство и подлежали безусловному осуждению. Склонность к развлечениям осуждалась еще более сурово — как проявление «морального разложения» и даже влияния «чуждой идеологии».

Тоталитарная радость. Бедность быта официальная культура стремилась превратить в социальную норму, моральный императив, предписывая рядовым членам общества скромность, граничащую с аскетизмом. Благосостояние имело лишь символическое значение в системе официальных ценностей. Одним из воплощений этого символа стала Всесоюзная сельскохозяйственная выставка — ВСХВ (затем ВДНХ). Прямым порождением предельной сакрализации культуры стал «культ серьезности» (торжественной приподнятости), пронизывавший все публичное пространство общества.

Торжественная приподнятость общественной жизни сочеталась с публичным «культом радости». Его составная часть — улыбки и смех, но смех особый. Это беспредметный «детский смех», когда смеются от избытка жизни и восторга («тоталитарная радость»). «Культ радости» составлял основу официально предписанного повседневного мироощущения и жизненного тонуса — «бодрости». Официализация отдыха, развлечений, праздников превращали их в инструмент приобретения и демонстрации предписанной бодрости, ограждала от пре-

«Культура имеет значение»: к предыстории российского транзита

вращения в безыдейные увеселения и предотвращала соединение с миром обычных ценностей.

Все иные разновидности смеха обладали крайне низкой социальной ценностью. Юмор вместе с другими элементами культуры, не поддававшимся однозначному прочтению ни как «торжественно-приподнято-серьезное», ни как «тоталитарно-радостное», был вытеснен в сферу профанических (т. е. низких) ценностей, которым отказано в праве на полноценное существование в официальной культуре. Их терпят, с ними мирятся, но не более того. Утилитарной ценностью признавалась сатира как вспомогательный инструмент пропаганды против внешнего врага (политическая карикатура и плакат) и как средство воспитательной работы (борьба с «родимыми пятнами» или «пережитками прошлого»).

Официализация патриархальной культуры. Источником многих компонентов нормативной модели мира стала официализированная версия патриархальной культуры — естественный багаж горожан в первом поколении, недавних выходцев из деревни. Семья трактовалась как уменьшенная копия тоталитарного социума (который, в свою очередь, изображался как ее расширенный вариант). Утверждался беспрекословный авторитет родителей над детьми, старших над младшими. Официальная культура санкционировала культ стариков и детей, жесткую моральную регламентацию обыденного поведения и репрессивную сексуальную мораль (нерушимость брачных уз, право на новый выбор существовало только в случае смерти партнера, полное подчинение выполнению репродуктивных функций).

«Логика мифологемы (противостояния с Западом. — А. З.) порождала сакрализацию границы своего/чужого ("священные рубежи", "нерушимые принципы" и т. д.). Соответственно, перемещение через сакрализованную границу приобретало предельное значение *rite de passage* — чего-то наподобие преобразования, умирания—воскрешения, перехода в "мир иной". С этим связано традиционно-советское отношение к эмигрантам, невозвращенцам, а также и к иностранцам (не как к гражданам другой страны, а как к людям иного, притом враждебного мира; в зрелые годы советского периода указание на "связь с иностранцами" превращалось в формулу криминального обвинения)» [Левада 1993, с. 184].

Сегрегация и подчинение научного знания. Сакрализация и высокая нормативность культуры предполагали подчиненное положение ценностей «рациональности» (знаний и науки). Эти ценности в советской культуре признавались всегда, однако в ее «классической версии» были достаточно жестко сегрегированы и занимали иерархически подчиненное положение в официальной системе ценностей. Их ареал был ограничен наукой, техникой, промышленностью, а статус в культуре снижен, носил чисто-утилитарный характер и был лишен настоящей автономии. В ситуации столкновения с идеологией рациональные ценности, как правило, отбрасывались.

Свой вклад в удержание ценностей рациональности в подчиненном положении вносили реликты народного антиинтеллектуализма, официально поощрявшегося в 30—40-х годах. В массовой культуре того периода запечатлен карикатурный, сниженный образ носителя знаний — интеллигента как фигуры безвольной и запутавшейся, нуждающейся в твердом руководстве (или защите, в зависимости от обстоятельств). Слово «интеллигент», как правило, употреблялось с неодобрением, внешние атрибуты облика интеллигента — очки, шляпа — служили объектом насмешек, санкционированных культурой того време-

ни (в ходу были словесные клише типа «мы университетов не кончали», «больно умный»).

Неустранимость культурных различий. Главной целью тоталитарной реконструкции было создание культурно-однородного общества. Это было условием подчинения его политическим целям коммунистического режима. Однако культурная дифференциация общества оказалась принципиально неустранимой. Преодолев и ликвидировав прежние разграничительные линии, сакрализация культуры способствовала возникновению новых. Иерархическое построение сделало их появление неизбежным. Призванная обеспечить однородность, сакрализация на деле лишь максимально упростила культурную стратификацию.

В классической версии советской культуры выделяются две основные линии расслоения. Первая граница проходила внутри официальной культуры. Ее двуслойность объяснялась тем, что официальные ценности исторически формировались в процессе перехода от эгалитарной к иерархической культуре. Рождение номенклатуры в качестве привилегированного слоя советского общества принесло с собой новый принцип: «чем выше оценивает культура достоинство человека, тем больше у него возможностей для индивидуализма» [Паперный 1996, с. 145—160, 216]. При помощи иерархического распределения индивидуальности классическая версия советской культуры совмещала реальность карточной системы, общежитий и барачков с реальностью распределителей, торгшинов и официально разрешенных дач. В официальной системе ценностей аскетизм был дополнен символическим благосостоянием, коллективизм — иерархическим индивидуализмом.

Вторая граница советской культуры была внешней. Она отделяла официальные и санкционированные ценности от обширной культурной периферии. Классическая версия фактически разделила советскую культуру на два полюса. На одном располагалось сакральное ядро и прилегавшее к нему официальное пространство, на другом — профанная периферия советской культуры. Все лишнее иерархической соотнесенности с официальными ценностями было вытеснено в область «мелких» и «низких» значений. Рациональность (критичность), партикулярность, смех, чувственность, которые могли представлять угрозу расширенному сакральному ядру, ограничивались и подавлялись.

Периферия и «подполье» официальной культуры. В отличие от официальной культуры периферия лишена единого сакрального начала. Она раздроблена и лишена общей иерархии. Там располагаются несколько сакральных ядер, находящихся в зародышевом либо в законсервированном состоянии. Периферия постоянно подпитывается стихийным (и свободным) диалогом с включенными в официальное пространство «высокой» и народной культурой, а также самостоятельным (неформальными) устным и знаково-закрепленным творчеством. И то и другое исключено из официального культурного оборота. Воспроизводство (тиражирование) и массовое распространение периферийных культурных продуктов резко ограничено. Оно особенно затруднено для создаваемых на периферии продуктов «высокой культуры» (например, книг и журналов) и более благоприятно для устного творчества (песни, частушки, анекдоты). Это приводит к господству в происходящем на периферии стихийном культурном обороте более простой и примитивной продукции и помогает официальной культуре удерживать периферию в подчиненном положении, сохранять за вытесненными туда ценностями профанный статус. На закате сталинской эпохи

«Культура имеет значение»: к предыстории российского транзита

эта культурная среда служила местом обитания устного творчества и свободной песенной стихии — цыганских, кабацких, блатных песен, а также эмигрантских романсов, вывезенных из-за границы после окончания войны (А. Вертинский, П. Лещенко).

«Параллельный» культурный оборот. «Параллельный» культурный оборот, протекавший на периферии и в «подполье» сталинской классики, отличался дифференцированностью. Помимо сельского и городского фольклора и профанной песенной стихии в нем участвовали и продукты «высокой культуры», изгнанные из официального пространства (в основном книги). Государственные библиотеки были стерилизованы, архивы надежно закрыты, но домашние библиотеки интеллигентов, старых большевиков и потомственных горожан служили убежищем для книг дореволюционного издания и первых послереволюционных лет. Эти книги были активно включены в культурный оборот, хотя официально их как бы не существовало. Наряду с тщательно отобранной классикой, тиражировавшейся аппаратом официальной культуры, домашние библиотеки удовлетворяли культурные запросы, вытесненные на периферию.

Молодое поколение, вступившее в активную жизнь в последние годы сталинской классики, еще застало настоящие (первые) издания документов революционных и первых послереволюционных лет. «У хозяина в его убого обставленной комнатке стоял огромный книжный шкаф с политической литературой, — вспоминает Ф. Бурлацкий свою встречу в начале 50-х годов с одним из слоев "потаенной культуры". — Стенограммы всех съездов партии, запрещенные во всех библиотеках страны. Первые издания ленинских произведений с подробными комментариями, произведения Бухарина, Троцкого, Зиновьева, Каменева, Рыкова, Томского — словом, всех представителей ленинской гвардии. Я читал это по ночам, при свече, устроившись в самом углу прямо на полу. Читал взахлеб, особенно стенограммы съездов конца 20-х годов, которые потрясали своими бурными страстями, разноголосицей мнений, острым предвидением будущего» [Бурлацкий 1990, с. 20].

Сохранялась богатая устная традиция. Были живы носители неканонических интерпретаций «родового героического времени», многие участники и свидетели событий тех лет. Впоследствии из этой богатой устной традиции щедро черпали сначала хрущевские комиссии по реабилитации, а затем авторы, ставшие на путь борьбы с коммунистическим режимом (А. Солженицын, Антонов-Овсеенко-младший). Сохранявшиеся в недрах советского общества запретные запасы дореволюционной и раннеревлюционной культуры были лишены возможностей даже простого воспроизводства (в ограниченных масштабах оно было возможным через семейное воспитание) и были обречены на медленную и неизбежную смерть.

В отличие от профанной фольклорной или песенной стихии, явочным порядком обретавшей возможность общественной презентации (на улице, в ресторанах и пивных, во время застолий), социальная среда, пропитанная запретными продуктами «высокой культуры», была обречена на социальное молчание. Она была лишена будущего и должна была умереть, «не оставив потомства». Но сталинская монокультура рухнула раньше, чем закончился естественный жизненный цикл «потаенной культуры». Тогда стало ясно, что вынужденное молчание не означало отсутствия слов.

Экспансия сакрального ядра. Взаимоотношения между сакральным ядром и профанной периферией официальной культуры носили циклический характер, выстраиваясь по принципу «расширение—сжатие». Завершение тоталитарной реконструкции культуры советского общества положило начало прогрессирующему расширению сакрального ядра, которое стремилось подчинить себе все остальные ценности, находившиеся в официальном пространстве. Истощенное социальными катастрофами раннесоветское общество на время приняло повторную сакрализацию культуры. Война с фашизмом стала новой социальной катастрофой, которая принесла с собой новую сакрализующую травму, укрепившую легитимность коммунистического режима.

В то же время в секулярном обществе сакральное ядро культуры оказалось поставлено в положение агрессивной самообороны. Его статус и границы требовали постоянного подтверждения. Сакральная культура агрессивно защищалась от исходивших с периферийных участков культуры профанных и рационалистических посягательств (последним немедленно присваивался ярлык враждебных). Неприкосновенность сакрального ядра обеспечивалась его постоянной экспансией и подавлением чужеродных, враждебных ценностей с их последующим вытеснением в зону профанных значений.

Рационалистические начала испытывали на себе возрастающее давление сакрального ядра советской культуры (разгром генетики, фактическое удушение психологии, отказ от кибернетики, попытки конструирования «идеологически правильной» физики и т. д.). Ценности «рациональности» были жертвами постоянной экспансии сакральной культуры. Ареал сакральной культуры все время расширялся, постепенно подчиняя и подавляя рационалистические ценности.

В последние годы правления Сталина сакрализация культуры достигла предела. Предельное расширение сакрального ядра обеспечивало культурную интеграцию общества на уровне, близком к мобилизационному. Сакральное ядро фактически пожрало всю культуру, подчинило себе все ценности. Все проявления жизни в советском обществе оказались соотнесенными так или иначе с высшими официальными ценностями и только через них приобретали значение и смысл. Своеобразным символом такой предельной сакрализации культуры стала изданная сразу же после окончания войны «Книга о вкусной и здоровой пище», которую открывали слова Сталина.

Без будущего. Особенности генезиса и способа существования лишали классическую версию советской культуры будущего. Низкая по историческим меркам жизнеспособность культуры, реконструированной тоталитаризмом, была обусловлена несколькими причинами. Способ построения такой культуры был внутренне противоречивым, а сама она отличалась бедностью. Способ построения основывался на перевернутой культурной иерархии. Сакрализация сугубо земного и мирского начал привела к фактическому вытеснению трансцендентных ценностей. Тотальной коммунистической идеологии было не о чем говорить с конкретным человеком. Содержание классической версии советской культуры оказалось примитивным по историческим меркам.

«Короткие ответы», бедные смыслы. Бедностью идей отличалась советская протокультура, исходный строительный материал официальной культуры — идеология и архаика. Светская идеология не была предназначена для того, чтобы отвечать на вечные, экзистенциальные вопросы (о смысле жизни, жизни и смерти, добре и зле, о соотношении прекрасного и благого). Никакой серьез-

«Культура имеет значение»: к предистории российского транзита

ный диалог с тотальной идеологией был невозможен. Она не могла отвечать на вопросы потому, что не имела ответов. Тесный альянс с культурой (в «узком» смысле) был призван восполнить изъяны в исходной идеологической системе. Тотальная идеология предпочитала разговаривать с обществом через «высокую» и массовую культуру.

В исходной идеологической системе отсутствовали сколько-нибудь разработанные этическая система, философия жизни, эстетический канон. Впоследствии они создавались наспех, для решения сугубо утилитарных политических задач. Компоненты культуры, отвечавшие на важные экзистенциальные вопросы, разрабатывались для решения «коротких» задач. Диалог не был запланирован в тоталитарном проекте, он возникал как побочный продукт. И в той мере, в которой происходил этот незапланированный диалог, культура, созданная тоталитаризмом, сохраняла свою жизнеспособность.

Каждый из членов официальной галереи культурных героев (литературный Павел Корчагин и кинематографический Чапаев) имел какие-то зачатки жизненной философии и свои варианты ответов на вечные вопросы. Правда, эти ответы были весьма ординарными и короткими, привязанными к конкретным жизненным ситуациям, как правило, из эпохи «героического времени», когда происходило становление коммунистического тоталитарного режима. Диалогические жанры (вместе с интеллектуальной рефлексией) не поощрялись в классической версии советской культуры. Эта культура содержала ответы, но не была предназначена для вопросов. Она располагала определенным набором жизненных рецептов, но была неспособна вырабатывать новые ответы, сталкиваясь с вопросами. Ее ответы были короткими, а смыслы — фиксированными.

Особая роль культурной периферии. Какое-то время эти ответы могли выглядеть достаточно убедительно для значительной части членов общества, прошедшего через тоталитарную реконструкцию. Одни располагали достаточно скромными культурными запросами и поэтому довольствовались короткими ответами. Другие находились во власти сакрализующей травмы, полученной во время тоталитарной реконструкции общества. Свою убедительность содержащиеся в официальной культуре весьма скромные, не слишком развернутые и глубокие личностные ответы сохраняли до тех пор, пока была свежа сакрализующая травма, нанесенная в период становления тоталитарного режима. И люди с неразвитыми культурными запросами, и носители сакрализующей травмы принадлежали к выжившей части поколения, прошедшего через социальные катастрофы и последующую тоталитарную реконструкцию советского общества. В то же время к выжившему поколению принадлежали и другие культурные типы личности, которые не вполне или полностью не удовлетворялись ответами, предлагавшимися тоталитарно реконструированной культурой. Их культурные запросы и социально невостребованное творчество были вытеснены на дальнюю границу официальной культуры, в область мелких, низких и сомнительных профанных значений. Наличие такой обширной периферии — обязательный атрибут классической версии советской культуры, без которого становится непонятным вся ее последующая динамика.

Ловушка сакрализующей травмы. Глубоко архаическим был и способ усвоения и последующего существования сакрального ядра культуры. Особый способ психологического соединения сакрализованной культуры с секулярным обществом оказывается исключительно устойчивым и прочным. В то же время суще-

ствование сакрализованной культуры целиком привязано к сакрализующей травме. Активный жизненный цикл ценностей, усвоенных внедиалогическим способом, ограничен рамками поколения, прошедшего через травматические переживания. Возобновление идентификации, адекватной сакрализованной культуре, требует новой травмы от нового поколения.

Ценности, усваиваемые таким образом, плохо передаются от одного поколения к другому. Включение их в обычную систему социализации сопровождается омертвлением и утратой притягательности. Отсутствие диалога консервирует исходный строительный материал, лишает культуру способности к обогащению и ведет к постепенному омертвлению сакрального ядра. Внедиалогический способ усвоения и существования официальных ценностей создавал внутреннее препятствие для развития классической версии советской культуры на собственной основе.

Еще одна причина слабости тоталитарно реконструированной культуры заключалась в том, что культура с предельно расширенным сакральным ядром, ощущается как тяжесть в обществе. «Величайшая слабость марксизма заключается не столько в устранении из религии *трансцендентного*, сколько в чрезмерной сакрализации *имманентного* начала... Люди не выдерживают постоянного упоения священным (даже если это нравится им в малых дозах и время от времени) и ищут мирское пространство — чтобы расслабиться ... Сакрализация этого мира (прежде всего в его наиболее мирских аспектах) лишила людей необходимого контраста между возвышенным и земным, и одновременно — возможности искать прибежище в земных вещах, когда область возвышенного оказывается временно недоступна. Везде и всюду разлитая святость — слишком тяжелой ношей для этого мира» [Геллнер 1995, с. 49, 51].

Противоречие между сакральной идеологией и секулярным обществом, которому было отказано в праве на полноценную культуру, стало главной движущей силой культурной трансформации в позднем советском обществе. Постоянное соприкосновение с обширной периферией, преследуемой и презираемой официальной культурой, стало главным инструментом ее трансформации. Даже находясь на периферии, рационалистические ценности самим фактом своего существования угрожали статусу сакрального ядра культуры. Индивидуальный вопрос оставался главным способом общения человека с миром культуры. Лишенная культурной легитимности и часто даже легальности, эта огромная периферия своими запросами и творчеством оказывала постоянное давление на официальную культуру.

Пределы сакрализации. Исходные секулярные основы культуры и общества задали естественные ограничения расширенному воспроизводству сакрального ядра. Побочным результатом тоталитарной реконструкции стало резкое расширение в обществе социальных основ секулярных ценностей. Стремясь к полноте социального контроля над обществом, коммунистический режим уничтожил последние естественные остатки несекулярного в своей основе жизненного уклада («сталинское преобразование деревни»).

Вытеснение рациональных ценностей подрывало системы жизнеобеспечения и безопасности, поскольку экономика, силовые структуры и жизненный уклад коммунистического режима опирались на знания и технологии современного (рационального) типа. Секулярной по происхождению была и основа господствовавшей идеологической системы (марксистско-ленинская наука).

«Культура имеет значение»: к предыстории российского транзита

Послевоенная рутинизация советского общества вновь запустила процессы секуляризации. На новой социальной основе культура начала постепенно возвращаться к состоянию, предшествовавшему сквозной сакрализации.

Социальный ограничитель сыграл решающую роль в переориентации культуры на модернизацию. По историческим меркам культура, рожденная тоталитаризмом, живет до тех пор, пока сохраняет свою силу инерция породивших его социальных катастроф. Социальные катастрофы, питавшие коммунистический режим своей энергией, не могли происходить слишком часто. По мере угасания энергии катастроф и психологического изживания наносимых ими травм сакральное ядро утрачивает притягательность и способность к вертикальной организации советской культуры.

Вектор культурной динамики. Первоначально строение советской культуры почти всецело определялось идеологией. Модификация идеологического канона на завершающем этапе тоталитарной трансформации породила первые линии внутренней дифференциации культуры. Конкретное направление движения первоначально также во многом определялось политическим выбором руководства коммунистического режима. Сначала уступка была сделана высокой классике, затем, в период послевоенного пика сталинской культуры, — дореволюционной культурной традиции. В свою очередь, демонтаж классической версии советской культуры сопровождался ее сближением с более современными и рационалистическими компонентами культуры.

Однако само движение становилось возможным в результате постоянного давления со стороны невключенных в официальное пространство мощных культурных пластов. Это вызывало достаточно частые отклонения от официального канона, которые сопровождалась либо санкциями, либо (что случалось реже) канонизацией — включением пришедших с периферии культурных продуктов в пространство официальной культуры и зачислением их творцов в разряд одобренных. Обозначился общий вектор культурной динамики: с периферии — в официальное пространство культуры. Первые линии культурной дифференциации в советском обществе порождались движением идеологического маятника. Проникновение в пространство официальной культуры наиболее современных и рационалистических пластов запустило социальный мотор культурной динамики, автономный от изменений в коммунистической идеологии.

Первая культурная модернизация

«Классическая» версия официальной культуры оказалась исчерпанной по нескольким причинам. Смерть Сталина лишила культуру с предельно расширенным сакральным ядром естественного центра — исчезла цементирующая ее фигура «живого бога». Ее больше нельзя было использовать для идеологической консолидации режима. Но и после смерти «бога» новое руководство продолжало находиться в его тени — сравниться с ним по авторитету оно по определению не могло. Дальнейшее существование советской культуры в ее прежней форме оказалось невозможным.

Пустыня «большого стиля». Цена форсированной культурной интеграции стала все больше ощущаться как непомерная. Внешняя и внутренняя изоляция (изъятие из оборота огромных пластов исторической памяти) максимально

обеднили культурную жизнь, низведя ее к тиражированию узкого набора утвержденных образцов. Пример кинематографии, с учетом ее места и роли, можно считать достаточно показательным. Новых кинофильмов снималось мало, и, по свидетельству современников, каждая кинокартина демонстрировалась годами и заучивалась чуть ли не наизусть.

Уменьшилось и понимание процессов, происходивших в окружающем мире. Даже правившая верхушка зачастую оказывалась в плену идеологических стереотипов, создававшихся по ее же инициативе для решения чисто прикладных задач. Позднее, для преодоления наследия сталинской пропаганды во внешней политике, Н. Хрущеву потребовалось создать специальную комиссию, которая установила, что Югославию все-таки можно считать «социалистической страной» [Хрущев 1997, с. 314—315]. Наконец, ряд свидетельств указывает на то, что к началу 50-х годов завершился культурный цикл, на гребне которого утверждалась культурная стилистика, свойственная идеологии «сталинизма». В какой-то форме возврат к стилям и формам предшествовавшей культурной эпохи становился неизбежным.

Строение классической версии советской культуры почти исключало возможность переноса прежней системы политической легитимизации на новое руководство. Помимо своего желания, оно было поставлено перед необходимостью решать проблему политической легитимизации послесталинского режима по-новому. Мертвый «бог» был не только бесполезен, он превратился в источник опасности. Укрепление авторитета нового руководства было достигнуто в результате резкого снижения (фактически разрушения) авторитета Сталина и приближения идеологии и официальной культуры к ценностям общества и требованиям современности. Начавшаяся модернизация была по существу попыткой синхронизации идеологии и динамических процессов, происходивших на профанной периферии советской культуры.

Сближение с «профанной» периферией. Прежде всего были восстановлены связи идеологии с моральными ценностями. Понятия «правда» и «искренность» стали центральными для новой версии советской культуры. Лишившись излишней сакральности, новое руководство приобрело весомый моральный капитал. Наряду с изменением статуса в культуре, расширился спектр ценностей, санкционированных официальной идеологией.

Разрыв между сакральным ядром и остальной частью культуры резко сократился. Как нечто вполне реальное, в официальной идеологии появились ценности благосостояния. Отказ от сверхсакрализации прервал тенденцию вытеснения ценностей рациональности на периферию культуры; началась секуляризация идеологии и культуры. Легальным обоснованием усиления рационалистических тенденций стала официально приближенная перспектива построения коммунистического общества.

Реабилитация научного знания. Общественный престиж науки и знаний был восстановлен в полной мере. Были реабилитированы наиболее перспективные направления современной науки (например, кибернетика), быстрыми темпами шла легализация прикладных общественных наук (экономика, управление, социология, психология). В официальной культуре и идеологии повысился статус специальных знаний и компетенции. Ритуальное соотнесение с авторитетом партии и вождя, характерное для «большого стиля» советской культуры, было дополнено, а в частных случаях заменено постоянными ссылками на «ком-

«Культура имеет значение»: к предыстории российского транзита

петентных специалистов». Впервые носители знаний становились самостоятельными культурными героями. Образ «физика» превратился в символ нового общественного престижа и популярности науки.

Большое значение для утверждения рационалистических ценностей в официальной идеологии и культуре сыграло покорение космоса. В то же время по своему содержанию эта новая для советской культуры тема не исчерпывалась демонстрацией «торжества советской науки и техники». Для модернизируемой советской культуры тема покорения космоса оказалась наполнена большим гуманистическим смыслом. Выход в космос задал высокую оптимистическую ноту, которая окрашивала общественные настроения и эмоции более 10 лет. Особое значение имел внеидеологический характер этой темы. Гордость за космические достижения страны объединила всех. Космос стал источником интегрирующих социальных эмоций и одним из немногих действительно живых культурных символов в позднем советском обществе.

Возросшая роль внешних оценок. Закономерно, что статус ценностей в модернизируемой культуре и идеологии приобрели «современность» и соответствие «мировому уровню». Научно-технические, культурные и спортивные достижения (космос, спорт, балет, позднее фигурное катание), давшие коммунистическому режиму новые ресурсы общественного престижа и политической легитимности, измерялись уже не только и не столько внутренней, сколько международной меркой и требованиями времени. Только после этого они зачислялись в разряд достижений. «Современность» и соответствие «мировому уровню» превратились в официальный критерий оценки и способ обретения статуса ценности.

Официальная культура всегда использовала западные позитивные оценки советского опыта в собственных целях (эксплуатация сталинской культурой идеологически или политически близких авторитетов А. Барбюса, Л. Фейхтвангера, Г. Уэллса, Т. Драйзера). В период первой модернизации чувствительность официальной культуры к внешним оценкам резко возросло, а их значение в официальной культуре заметно увеличилось. В качестве примера можно привести два зарубежных продукта, официализированных в последние годы хрущевской модернизации и получивших общественный резонанс. Речь идет о документальном фильме «Русское чудо», активно использовавшемся для пропаганды достижений советского общественного строя внутри страны, и художественном фильме «Кто вы, доктор Зорге?», демонстрация которого на советских экранах сопровождала общественную реабилитацию советского агента.

Выход из культурной самоизоляции. Секуляризация сопровождалась снижением потенциала агрессивности коммунистической идеологии. Идеологическое насилие внутри страны и идеологическая угроза, обращенная во внешний мир, уменьшились. Знаковым стал отказ от диктатуры пролетариата в пользу общественного государства и переориентация на мирное сосуществование с Западом. «Высокая» и массовая культура освободились от жесткого идеологического диктата.

Было покончено с культурной самоизоляцией от внешнего мира (фестиваль молодежи и студентов 1957 г., зарубежные выставки в Москве, приток переводной литературы, восстановление культурных связей, возобновление культурного обмена). Советская культура вышла из состояния внутренней изоляции. Началось возвращение в культурный оборот общества ранее изъятых из

него продуктов и ценностей (к читателям вернулись Ф. Достоевский, И. Бунин, С. Есенин).

«**Лирический взрыв**». Модернизация способствовала также преодолению профанного статуса элементов культуры, лишенных прямых связей с сакральным ядром. Началось возрождение секулярной культуры. Лирический взрыв середины 50-х годов породил феномен новой советской культуры, с которым были связаны новые имена и новые подходы в поэзии, прозе, кинематографии, театре, музыке. В культуре была восстановлена ценность человеческой жизни, «сентиментов» и личности. В литературе и кинематографии сложилось направление, ориентированное на смягчение нравов. Прозвучали первые разрозненные и негромкие вызовы Официализированной патриархальной морали (кинокартины С. Ростоцкого «Дело было в Пенькове», «А если это любовь?»).

Пройдя через гуманизацию «лирического взрыва» «высокая культура» утратила высокомерность сталинского «большого стиля», демократизировалась и сблизилась с обществом. Важным стимулом демократизации стал демонтаж сталинского «большого стиля». Из официальной культуры изгонялась избыточная семиотичность. Знаменитая «борьба с излишествами» в архитектуре стала одним из крайних проявлений утверждения нового стиля советской культуры. Существовавшая ранее пропасть между «высокой» и «низкой» культурой сократилась также в результате «подтягивания» ее нижнего этажа (начавшееся повышение уровня общего, специального и высшего образования, активизация культурной самодеятельности).

Ранние формы культурно-идеологической дифференциации

Идеологическое обновление подтолкнуло культурную и политическую дифференциацию советского общества. Модернизация нарушила привычное соотношение между сакральным и секулярным началами в советской культуре.

Расширение секулярной культуры. Отказ от сверхсакрализации привел к спонтанному разрастанию секулярной культуры. Приоритетное развитие получили элементы культуры и ценности, которые на предшествующем этапе подавлялись и вытеснялись расширенным сакральным ядром, — рациональность (критичность), партикулярность, смех, чувственность. В обществе возникали социокультурные предпосылки публичной дифференциации и формы для ее проявления. Появились минимальная автономия «высокой» и «массовой» культуры от идеологии и дискуссия как общественный институт. Усложнились и процессы дифференциации.

Переход дифференциации в открытую форму сопровождался усилением неравномерности ее протекания. По глубине размежевания, скорости и содержанию трансформации процессы внутри официальной культуры и на ее новой периферии заметно различались. Внутри официальной идеологии и культуры преобладала специализация — стадийный предшественник дифференциации. Секуляризация разрушила стену, отделявшую прежнюю сакрализованную культуру от ценностей рациональности. Стало возможным появление внутри официальной идеологии специализированных направлений.

«Культура имеет значение»: к предистории российского транзита

Становление вспомогательных эшелонов. Эти специализированные направления имели прикладной характер и были призваны подтянуть официальную идеологию к международному уровню и требованиям современности. Они образовали второй (вспомогательный) эшелон официальной идеологии. Им была определена служебная роль в идеологии и культуре. Подчиненное положение специализированных направлений соответствовало статусу их первоначальных носителей — консультантов аппарата ЦК КПСС [Бурлацкий 1990].

Представители этих специализированных направлений были ориентированы не на доктринальные, а на научные стандарты. Они рассматривали официальную идеологию как внешнюю форму конкретных направлений общественных наук, частью которых себя считали, и видели свою задачу в модернизации идеологии и рационализации коммунистического режима. По мере дальнейшего ослабления доктринального ядра их фактический статус внутри официальной идеологии стал возрастать. Первым проявлением этого стала институционализация специализированных направлений официальной идеологии за рамками партийного аппарата (создание Института мировой экономики и международных отношений и Института международного рабочего движения). Они стали зародышем будущих полупрофессиональных научных и экспертных сообществ.

Рождение «литературно-журнальных партий». За пределами официальной идеологии дифференциация приобрела более откровенные формы. Произошла самоорганизация двух противостоящих полюсов советской культуры, которых развела модернизация («сталинисты» — «антисталинисты»). Формой организации противостоявших друг другу культурных полюсов стали «литературно-журнальные партии». Противостояние «Нового мира» и «Октября» создало первую линию открытой культурной дифференциации, получившую широко публичный резонанс. Возник феномен интеллигентов-«шестидесятников», ориентированных на продолжение модернизации, но не вышедших за границу достаточно широко понимаемой социалистической идеологии. Началась открытая борьба группировок, протекавшая в форме литературной полемики. Впоследствии состав культурных полюсов расширился и усложнился. Антисталинисты-западники пополнились журналом «Юность», Театром на Таганке и театром «Современник», радиостанциями «Маяк» и «Юность». К «сталинистам» присоединились журналы «Москва» и «Молодая гвардия», «Огонек». В советской культуре утвердилась биполярная схема дифференциации.

Консолидация культурной периферии. Модернизация упразднила старые разграничительные линии в культуре и создала новые. Расширились и стали более проходимыми границы, отделявшие официальную культуру от ценностей, в нее не допущенных. Модернизация преобразовала прежнюю зону профанных значений в новую периферию советской культуры. Между официальной культурой и зоной профанных ценностей возникло промежуточное культурное пространство, которое вобрало в себя ценности, частично преодолевшие свой неполноценный статус. Новая периферия с самого начала обладала высоким динамизмом, повышенной способностью проникать на территорию санкционированных ценностей и активно питала официальную культуру. Она создала особую романтическую субкультуру, основанную на лирической поэзии и бардовской песне. Идеологически она примкнула к старшему поколению «шестидесятников», группировавшихся вокруг журнала «Новый мир». Культурные корпорации (контролируемые властями творческие союзы писателей, художни-

ков, композиторов), стоявшие на страже слегка обновленного официального эстетического канона, оказались неспособны (и не испытывали особого желания) впитать новую периферию советской культуры. Оказавшись в незапрещенной, но внеинституциональной среде, новая периферия сложилась в систему неформального культурного творчества, со своими звездами, их ценителями и культурными центрами. Попытки ограничить трансформацию вытолкнули в эту среду и представителей «высокой культуры». Со временем часть новой периферии обрела ограниченную возможность общественной репрезентации (площадь Маяковского, Политехнический музей, затем журнал «Юность», театр «Современник», Театр на Таганке, радиостанции «Маяк» и «Юность»). В отличие от корпоративно организованной официальной культуры новая периферия была непосредственно погружена в повседневность.

Дифференциация культурных стилей. Дифференциация затронула и культуру повседневности. Западное влияние стало проникать в молодежную моду и образ жизни. Возникло многообразие культурных стилей. Принципиальное значение имело появление стиляг, феномен которых можно определить как эстетическое западничество. Главной особенностью стиляг как культурного явления был нарочитый неконформизм. По словам одного из современников, «эти люди выходили на улицу и, как антисоветский лозунг, несли себя» (документальный фильм «Бродвей нашей юности»)*.

В отличие от «шестидесятников», стиляги «хотя и не выдвигали политических идей, были лишены иллюзий относительно "социализма с человеческим лицом". Их стиль был вызовом советской серости, а вместе с тем всей советской жизни и идеологии. Стиляг можно назвать первыми диссидентами (хотя, конечно, тогда о диссидентах никто еще не слышал). Их стиль — это попытка революции "снизу" (from grassroots, как говорят американцы), причем попытка не политической революции, а революции стиля» [Ионин 1996, с. 165].

Новая жизнь «осколков прошлого». Обрели новую жизнь островки «высокой культуры» старого (дореволюционного) образца, внутренне не подчинившиеся высшим ценностям коммунистической идеологии. Они сыграли важную роль в зарождении новых образцов «высокой культуры» (А. Ахматова, И. Бродский, А.Ф. Лосев, С.С. Аверинцев). Ожились и подавлявшиеся ранее очаги альтернативной сакральности — религии и национальные культуры. По мере освобождения от партийной опеки вновь заявила о себе традиция общественного служения интеллигенции и представление о ее особой миссии. Появились первые проявления политической оппозиционности, мало отличавшиеся от разрозненных подпольных антисталинских групп послевоенного времени («кружок Краснопевцева» в МГУ).

«Романтические социалисты». Ранние формы открытой дифференциации, казалось, подтверждали тезис о нерасчленимости советской культуры. Оппозиция продолжала находиться внутри единой для всего общества культурной системы. Культурные диссиденты оспаривали пока только официальный эстетический идеал (канон), но по своему мировоззрению оставались «романтическими социалистами». Первый советский диссидент писатель А. Синявский выразительно резюмировал свою позицию: «У меня эстетические разногласия с

* Подробнее об этом феномене позднесоветской культуры см.: [Славкин 1996].

«Культура имеет значение»: к предыстории российского транзита

советской властью». Талантливые молодые философы ориентировались на раннего Маркса (кружок младомарксистов во главе с Э. Ильенковым в секторе эстетики Института истории искусств).

Аналогичные позиции занимали и политические оппозиционеры. Все апеллировали к марксизму, социализму, идеалам революции. Регенерации «романтической» версии социализма помимо десталинизации способствовали события во внешнем мире — революция на Кубе, освободительные движения в странах «третьего мира», неомарксизм, новые левые и студенческое движение на Западе.

«Диссиденты делали то, чему их учили в советской школе: были честными, принципиальными, бескорыстными, готовыми к взаимопомощи, — свидетельствуют П. Вайль и А. Генис. — Проповедь торжества духовных идеалов над материальными полнее всего реализовался в диссидентском движении. Диссиденты были "передовым отрядом", еще более передовым, чем партия. Не случайно изрядную группу инакомыслящих составляли люди, исповедовавшие принципы ленинизма, для которых сомнения суммировались в вопросе: "Можно ли еще и легче ли бороться за настоящий коммунизм в партии или вне ее?" У самых разных людей способ был один» [Вайль, Генис 1996, с. 180—181].

Преддверие отчуждения. Но это было только начало процесса. Впоследствии многие советские интеллектуалы повторили путь, ранее в разное время пройденный известными западными марксистами-ревизионистами (Э. Фишер, Р. Гароди). Официальная доктрина предоставляла для этого большие возможности. По свидетельству Л. Карпинского, «именно добросовестное изучение марксизма неизбежно очень рано приводило к диссидентским взглядам. Совершенно неизбежно. Теоретический марксизм ничего общего с наблюдаемой действительностью не имел ... А потом и глубже пошло. В марксизме уже можно было заметить принципы, исходные начала той мерзости, которая осуществлялась на практике ... Если залезть в марксизм и его грызть, то очень легко обнаруживаются такие пробелы, из которых воспроизводятся уже диссидентские знания, знания, оспаривающие эти вещи» [Социологический журнал, 1995, с. 202—203].

«Официальный консенсус»: попытка культурно-идеологической консолидации

Коммунистическое руководство пыталось гасить культурные и идеологические противоречия, обострившиеся в ходе модернизации, при помощи лавирования. Оно поддерживало то одну, то другую культурную группировку, не присоединяясь полностью ни к одной. Руководство сохраняло дистанцию и свободу маневра, периодически ограничивая притязания культурных и идеологических группировок в тех случаях, когда рассматривала их как чрезмерные. Состояние идеологического маятника сохранялось около 10 лет. Одновременно постепенно ужесточали идеологический режим.

Отказ от модернизации официальной идеологии. Усиление идеологической дифференциации и возникновение политической оппозиции, а также события в социалистических странах показывали, что дальнейшая модернизация становится идеологически неприемлемой и политически опасной для коммунисти-

ческого режима. Смена руководства облегчила переход к новой идеологической политике. Рубежом стал 1968 г.

Предусматривавший отмену цензуры проект Закона о печати, разработанный только что созданным Министерством юстиции и представленный на обсуждение в Политбюро ЦК КПСС уже после подавления «пражской весны» в конце 1968 г., был отклонен после выступления партийного идеолога М.А. Сулова, который, по свидетельству очевидца, заявил примерно следующее: «От отмены цензуры в Чехословакии до ввода наших танков прошел год. Чьи танки и когда мы будем вводить в Москву?» [Исключить... 1995, с. 324].

Способом решения старых идеологических проблем и новых противоречий, порожденных модернизацией, стал официальный консенсус 70—80-х годов. Коммунистическое руководство попыталось установить новое равновесие между сакральным ядром и секулярной культурой. Был восстановлен жесткий запрет на вторжение в сферу общественно-политических ценностей, которые остались в орбите притяжения сакрального ядра. Политика и идеология как темы были выведены за рамки общественной дискуссии.

Восстановление преемственности. В официальной идеологии был взят курс на восстановление преемственности. Главным шагом на этом пути стала частичная реабилитация Сталина в официальной культуре: первое после длительного времени нейтральное упоминание в речи Брежнева в 1965 г., появление в позитивном контексте в художественном фильме «Посол Советского Союза», наконец, небольшая заметка в «Правде», озаглавленная «О 90-летию со дня рождения И. В. Сталина», которая стала результатом компромисса в партийных «верхах» по этому вопросу.

Была ограничена общественная репрезентация неформальной культуры. Яркий символ новой культуры — Клуб веселых и находчивых (КВН) — лишился доступа на ТВ. Позднее были введены его более безопасные и неполные аналоги — интеллектуальная телепередача «Что? Где? Когда?» и сатирическая «Вокруг смеха». «Веселых» отделили от «находчивых».

В то же время сфера обыденных ценностей была в целом изъята из-под непосредственного влияния сакрального начала официальной идеологии. Технократическая и культурная модернизации, в отличие от политической и идеологической, были продолжены. В культуре продолжались заимствования, источниками которых выступали дореволюционная традиция, страны-посредники и западные образцы. В экономике проводились малые реформы, не затрагивавшие канона — основ планового хозяйства. Продолжалась рационализация государственных и партийных структур, начатая в предыдущий период.

Новая роль «вспомогательных эшелонов». В период «официального консенсуса» связи официальной культуры с внешним миром расширяются и становятся более многообразными. Ведущую роль этом стали играть вспомогательные эшелоны официальной идеологии. К этому времени они расширились, усложнились и сложились в разветвленную сеть, состоящую из множества специализированных звеньев.

В рамках разделения труда внутри вспомогательных эшелонов одни звенья выполняли функции сбора информации (ВИНИТИ, ИНИОН), другие — мозговых центров (ИМЭМО, ИСКАН, ИЭМСС), третьи — пропагандистского обеспечения (АПН, Советский комитет защиты мира, Комитет молодежных организаций, Советский комитет солидарности со странами Азии и Африки и

«Культура имеет значение»: к предистории российского транзита

др.). Различные звенья вспомогательного аппарата конкурировали за влияние на высшее партийное руководство, объединяясь во враждующие коалиции.

Критика как форма заимствования. Официальное пространство предусматривает специальные формы контакта с «враждебной» культурой. Одной из таких форм была «критика», осуществление которой было делегировано во вспомогательные эшелоны. Период официального консенсуса — это время настоящего бума литературы с критикой буржуазных концепций в самых различных областях (от экономической и управленческой теории до литературоведения, языкознания и эстетики). «Критика» становится особой формой существования подпольной или просто западной культуры внутри официальной. В модернизированных пластах позднесоветской культуры подобная литература опознавалась как квазиисточник или субститут запрещенного источника. Такую роль играли работы Ю. Замошкина, Ю. Давыдова, И. Кона по западной социологии, философии и психологии. Применительно к пластам дореволюционной культуры, исключенным из официального пространства, в последние годы перед началом перестройки аналогичную функцию выполняла, например, пользовавшаяся большим спросом в субэлитных слоях книга В. Кувакина о русской религиозной философии.

Период перестройки дает примеры уже не просто критического (или чувственного), а пропагандистского посредничества инокультурным продуктам. Такова значительная часть перестроечной публицистики, пьесы М. Шатрова и романы А. Рыбакова. Последние были в значительной степени построены на фактической информации, почерпнутой из все еще запретных источников, в частности из книги советского перебежчика Орлова «Тайная история сталинских преступлений».

Неофициальные культурные посредники. Другой формой контактов с враждебной культурой стало использование неофициального представителя-полпреда. Он санкционируется, хотя не имеет официального статуса, а его существование официально отрицается. Если критика была формой легального существования «враждебной» культуры внутри официальной, то фигура неофициального представителя-полпреда — фактически формой существования официальной культуры внутри «идеологически чуждой» (считается, что в разное время эту миссию выполняли такие несопоставимые в иных контекстах фигуры, как И. Эренбург и В. Луи). В одних случаях неформальные посредники решали чисто утилитарные задачи (как в случае с В. Луи), в других скорее всего был важен сам факт их существования, удостоверявший для внешнего мира наличие в советской культуре каких-то иных пластов, помимо считавшихся в данный момент официальными (в этом, возможно, и состояла основная роль «разрешенного диссидента» Р. Медведева).

Расширенное присутствие Запада. В период официального консенсуса официальной культуре приходилось осуществлять связи с носителями западной культуры уже на собственной территории. В позднесоветском обществе заметно возросло прямое иностранное присутствие. Одной из новых форм такого присутствия западной культуры в позднесоветском обществе становятся передачи западных радиостанций, которые превращались в составную часть периферии и подполья официальной культуры. Западные радиопередачи в конце 70-х годов регулярно слушали 20 % городского населения [The World Today 1980, p. 138]. Новой формой прямого присутствия стали увеличение численности живых но-

сителей западной культуры и расширение зоны их контактов в советском обществе. Со времени первого фестиваля молодежи и студентов 1953 г. к немногочисленным дипломатам прибавлялись все новые категории иностранцев — командированные научные работники, бизнесмены, приехавшие по обмену студенты, туристы. Впервые после длительного перерыва (со времени первых лет сталинской индустриализации) появились инженеры, техники и рабочие. Чтобы контролировать деятельность носителей западной культуры в советском обществе, официальная культура вынуждена сама копировать западные образцы. В индустрии развлечений возникали максимально приближенные к западным аналогам закрытые звенья для обслуживания иностранцев, прежде всего туристов (система «Интуриста», сеть валютных магазинов «Березка»). Это резко ограничивало возможность несанкционированного общения с населением, но не могло исключить его вообще (обслуживающий персонал валютных гостиниц, ресторанов, баров, а также система «теневых связей» этого персонала в обществе). Наиболее яркими примерами «теневого» продолжения закрытой системы обслуживания иностранцев в позднесоветском обществе были нелегальная торговля западными потребительскими товарами (фарцовка), валютные операции на «черном рынке» и специализированная «валютная» проституция.

Периферия и подполье: конец изоляции. Расширились и внешние связи периферии советской культуры. Культурные продукты новой периферии и культурного подполья начинают публиковаться на Западе (два громких случая относятся к периоду первой модернизации — публикации романа «Доктор Живаго» Б. Пастернака и «дело Синявского и Даниэля»). Со временем эта практика превратилась если не в массовую, то в регулярную. Рядом с феноменом самиздата возник тамиздат. Отток несанкционированных культурных продуктов на Запад переплетался с притоком в советское общество новой и все более разнообразной культурной продукции из-за рубежа, лишь частично покрываемой самиздатом, превратившимся в тамиздат.

Значительную часть тамиздата составляла продукция эмигрантской культуры, которая включалась в оборот на периферии и в культурном подполье советского общества. Ряд авторов публиковались и в самиздате и в тамиздате. Полемика, начатая в тамиздате, продолжалась в самиздате, и наоборот. Советская периферия и подполье преодолевали культурное одиночество. Новая эмиграция, стимулируемая постепенным ужесточением идеологического режима, освежала и расширяла связи периферии и подполья советской культуры с эмигрантской культурой. Подполье официальной культуры срачивалась с прежде изолированным пластом эмигрантской культуры. Это вело к взаимному обогащению двух культур, не входивших в пространство официальной культуры.

В зоне контакта и пересечения двух альтернативных культур начинались активные движения и обмен. Для авторов и продуктов с периферии и из подполья советской культуры институционализированная эмигрантская культура предоставляла большие возможности (прежде всего возможность публикации). Новый контакт с культурой советского общества вдохнул новую жизнь в эмигрантскую культуру. Контакт с подпольем обновил представления эмигрантской культуры о советском обществе и происходивших в нем переменах. Впервые за время существования советского общества начался постоянный (хотя пока неофициальный и затрудненный) диалог двух культур России — советской и зарубежной.

«Культура имеет значение»: к предыстории российского транзита

Альтернативное самосознание советской культуры. Эмигрантская культура была не единственной формой существования русской и советской культуры за рубежом. У нее была и другая форма — западная славистика и советология, бурное развитие которых стимулировалось глобальным соперничеством с СССР. Они поддерживала плотные контакты с культурой эмиграции, но представляли собой составную часть западных профессиональных и научных сообществ. Для них русская и советская культура были не предметом творчества, а объектом рефлексии. Отдельные представители первой и второй эмиграционных волн из раннеревolutionного и послереволюционного советского общества стали составной частью западной гуманитарной традиции, хотя большинство из них долго оставались в изоляции или на периферии профессиональных научных сообществ стран эмиграции.

Их интеграция заметно усилилась после начала глобального противостояния с СССР [Раев 1994, с. 218—221]. По мере развития и профессионализации славистики и (в особенности) советологии обрели автономию и начали утрачивать связи с породившим их государственными структурами западных стран, преодолевали политические и национально обусловленные стереотипы. Одним из проявлений этого процесса стало возникновение ревизионистского течения в советологии, ярким представителем которого стал специализировавшийся на изучении Н.И. Бухарина американский историк С. Коэн, выдвинувший нетрадиционные подходы к изучению советского общества, которые впоследствии были востребованы в СССР в период перестройки.

Славистика и советология превратились в альтернативную форму существования самосознания русской и советской культуры за рубежом. Третья волна эмиграции принесла с собой новое пополнение западной славистики и советологии. Это поколение не только стало частью западных профессиональных научных сообществ, но и продолжает сохранять живые связи с эмигрантской и советской культурой. В рамках последних по существу формировались специализированные направления в изучении русской и советской культуры, непосредственно включенные в процессы, которые происходили на периферии и в «подполье» советской культуры: альтернативное литературоведение было представлено именами В. Аксенова и И. Бродского, история — А. Солженицына, Ю. Фельштинского, А. Некрича и М. Геллера. Активизировались альтернативные формы самосознания советской культуры. Крепнувшие связи «культурного подполья» с эмиграцией и зарубежной славистикой разрушали монополию официальной моностилистики на контакт с внешним миром. Культура позднесоветского общества вступила в прямой диалог с Западом.

Культурная эмансипация интеллигенции. Социальное укрепление интеллигенции в позднесоветском обществе в связи с повысившимся общественным престижем науки и знаний начинает выливаться в разнообразные культурные формы, легальные и нелегальные. Этот широкий процесс захватывает культуру позднесоветского общества на всю глубину — от общественных наук до сугубо профанных жанров.

Одни обществоведы (А. Румянцев, Л. Карпинский) связывали с этим перспективу преодоления бюрократии и перехода функций политического руководства непосредственно к рабочему классу, «преображенному научно-технической революцией» [Карпинский 1972]. Другие шли дальше и выдвигали тезис о переходе руководящей роли к интеллигенции в условиях научно-технической

революции. Один из примеров — дискуссия между Ю. Давыдовым и П. Гайденко, с одной стороны, и М. Лифшицем — с другой о миссии интеллигенции на «грамшианской» конференции в Институте международного рабочего движения в 1967 г., которой предшествовала полемика на страницах «Литературной газеты». За пределами официальной культуры быстрый рост самосознания интеллигенции проявлялся более рельефно и откровенно. В тамиздате выходят произведения Г. Померанца, которые освобождают интеллигенцию от психологической зависимости от народа и фактически провозглашают: «Народ — это мы» [Человек... 1970].

Разрушение официальных персонажей: инверсия гегемона. Укрепление секулярного начала ослабляло позиции тех представителей официальной культуры, которые были особенно тесно связаны с ее сакральным ядром. Прежде всего это наиболее слабый персонаж официальной культуры, уже давно превратившийся в социальную фикцию — мифологический пролетариат марксистско-ленинской идеологии. На изменившемся культурном фоне само понятие «гегемон» применительно к советским рабочим выглядело все менее уместным и употреблялось в сниженном значении (в речевой практике образованной молодежи слово «гегемон» становится презрительной кличкой городских люмпенов и маргиналов). Позитивно окрашенное унижение простонародного персонажа со стороны «интеллигента» — вещь невыносимая для сталинской классики, в которой эта функция была прочно закреплена за носителями сакрального начала — партийцем и его идеологической эманацией — сознательным рабочим.

Номенклатура: статусное уподобление интеллигенции. Помимо позиций фиктивного пролетариата при десакрализации культуры ослаблялись позиции и вполне реальной партийной номенклатуры. Под угрозой оказалась руководящая роль главного носителя сакрального начала. Формально оно по-прежнему принадлежит партийному руководству. Официальная культура продолжала отказывать творцам секулярной культуры — интеллигенции — в праве на лидерство. В период официального консенсуса одним из способов борьбы официальной культуры и ее носителей за сохранение за собой статуса лидера стал имитация соперника-конкурента и внешнее уподобление ему.

Представители партийных органов вступают с интеллигенцией в статусную гонку за обладание атрибутами знаний и культуры. Система высшего партийного образования, расширенная и модернизированная, ускоренно тиражирует кандидатов и докторов наук. Между XXV и XXVI съездами КПСС 32 тыс. человек прошли через партийные школы и 240 тыс. — через «партийные курсы» [Октябрь 1990]. (Быстрота, с которой это происходило, заставляет вспомнить темпы массового производства советских инженеров в индустриальных техникумах 30-х годов, которые должны были заменить идеологически чуждых буржуазных специалистов из числа старой русской технической интеллигенции.)

Статусное стремление «не отстать» от интеллигенции служило лишь одним из частичных проявлений более глубокой тенденции официальной культуры, которая все больше ощущала свою внутреннюю пустоту, связанную с омертвлением сакрального ядра. Это подталкивало к принятию прежде периферийных ценностей и культурных масок. Герои и символы, занимавшие центральное место в сакральном ядре официальной культуры, принимали несвойственную для них форму, а базовые ценности культуры интерпретировались в русле ранее чуждых культурных традиций.

«Культура имеет значение»: к предыстории российского транзита

Тиражирование интеллигентных образов. Официальная культура буквально тиражировала «интеллигентные образы». В кино и на телевидении появились и очень быстро заняли доминирующие позиции «интеллигентный милиционер», «интеллигентный военный», «интеллигентный партработник», рабочий, наделенный чертами «внутренней интеллигентности» — психологической сложностью, богатым внутренним миром. (В последнем случае в качестве примеров можно привести персонажи популярных кинофильмов «Белорусский вокзал» и «Москва слезам не верит» в исполнении «простонародного» Е. Леонова и «интеллигентного» А. Баталова.)

И даже фигура советского шпиона и сотрудника органов госбезопасности наделяется в официальной культуре чертами подлинной «интеллигентности». (В. Тихонов в фильме «Семнадцать мгновений весны», О. Даль — «Вариант «Омега», С. Любшин — «Щит и меч», В. Бероев — «Майор Вихрь», центральные персонажи телесериала «Операция "Трест"» и ряд других).

Массовый выпуск советских «шпионских» фильмов, похоже, проводился в рамках идеологической кампании по восстановлению авторитета советских органов государственной безопасности, подорванного за годы десталинизации. Показательно, что с самого начала этой идеологической акции (с момента появления на киноэкранах фильма «Сотрудник ЧК» в конце 60-х годов) образцом для подражания был выбран интеллигент, а не гораздо более органичное для подобного рода деятельности «советское издание Джеймса Бонда».

Интеллигентность в официальной культуре выступает не как атрибут реальной интеллигенции. Это социальная маска, которую официальная культура заимствовала у своего крепнувшего конкурента и которой она наделяла персонажей своих произведений для повышения привлекательности продуктов, производившихся в официальном поле. Интеллигентность героев позднего советского кино и телевидения — такой же защитный культурный субтитут и суррогат, как критика буржуазных теорий, разрешенные формы эстрадной и джазовой музыки.

Десакрализация «героического времени». Образ «героического времени» начинает терять сакральные черты и становится все более конвенциональным, условным. Появляются первые истерны (по аналогии с вестернами — фильмы-боевики на материале революции и Гражданской войны), в которых связь с официальными ценностями и назидательный оттенок, характерные для прежних популярных версий событий «героического времени», заметно ослабевают (из наиболее известных примеров этого жанра — кинофильмы «Даурия», «Свой среди чужих, чужой среди своих»). Воспитательное значение практически исчезает, доминирует развлекательность, опирающаяся на общечеловеческие ценности и добродетели («хорошие парни» против «плохих парней», причем последние в ряде случаев изображаются таким образом, что способны вызывать сочувствие и даже симпатию).

Распространение занимающих низкое место в культурной иерархии (если не профанных) жанров и ценностей на прежде сакральные интерпретации «героического времени» свидетельствовало не только о жанровой экспансии новой (модернизированной) массовой культуры, но и о начавшемся общем снижении ценности «героического времени» в официальной культуре. Происходила стилизация «героического времени» под советскую современность. Культуры прошлого (и будущего) все более расплывались. Настоящее время с из-

бытком возвращало свою социальную ценность, отнятую сталинской классикой и не возвращенную в годы модернизации. (У современников, включенных в культуру того времени, возникало ощущение, что не осталось ничего, кроме тягучего и бесконечного настоящего времени.)

Новый положительный герой. Заметно менялся образ положительных персонажей «героического времени» в интерпретации официальной культуры. Облик персонажей «героического времени» адаптируется к культурным сдвигам, происшедшим в ходе первой модернизации. Они кажутся более интеллигентными и психологически более глубокими. Так в пространстве официальной культуры ощущалось проникновение новых ценностей, пришедших с периферии.

Классические трактовки «героического времени» были заполнены простонародными типами, массами анонимных солдат и матросов. Образы центральных персонажей, включая многих реальных исторических деятелей (Ленин, Сталин, Дзержинский, Свердлов, Калинин), максимально приближены к базовому простонародному типу. Это — «дядька», «хороший парень», «настоящий мужик» (или «просто мужик»), «добрый (вариант «мудрый»), «дедушка». Они лишены реального социального происхождения и принадлежности части из них к носителям «высокой культуры». Внешними атрибутами интеллигентности, как правило, наделяется только один персонаж — «антигерой» («белые офицеры», «фашисты», «враги народа», «вредители» и собственно интеллигенты, но в сниженной трактовке).

Теперь же положительные персонажи «героического времени» повсеместно обрели «интеллигентный» облик. Они обладали высокой культурой, развитым и активным нравственным сознанием, их мучили интеллектуальные сомнения и угрызения совести (один из многочисленных примеров — трактовка центрального образа в кинофильме «Ленин в Польше»).

Даже положительные образы персонажей из народа сближались с господствовавшим интеллигентным образцом. Они обладали душевной чуткостью, состраданием, постоянно проявляли щепетильность, а иногда даже беспомощность, немыслимую для «железных героев» периода сталинской классики (мальчишка-комиссар в фильме «Начальник Чукотки», председатель колхоза в «Никто не хотел умирать»). Образ положительного персонажа все меньше напоминал канонического героя сталинской классики. Интеллигент под собственным или чужим социальным именем — центральная фигура официальной культуры 70—80-х годов. Это был настоящий культурный переворот.

Необратимость культурных и эстетических сдвигов. Официальная культура, судя по всему, ощущала определенный дискомфорт от обилия заплонивших ее интеллигентных персонажей. С конца 60-х годов в полном соответствии с официальным курсом на восстановление преемственности в культурный оборот стали возвращаться отреставрированные кинофильмы сталинского времени. Но это только подчеркнуло необратимость перемен.

Аудитория отобрала и одомашнила только наиболее «теплые» кинематографические образы. Персонажи, буквально соответствовавшие героическому канону сталинской классики, отторгались изменившимися нравственными и эстетическими критериями массового сознания. В 70-е годы жизненная мудрость одного из главных героев кинофильма «Балтийцы» (1938 г.) воспринималась как дикость: «Коммунист должен знать, кому руку подать, а кого из нагана расстрелять».

«Культура имеет значение»: к предистории российского транзита

Нравственное сознание общества серьезно изменилось за время первой модернизации и продолжало необратимо меняться в годы официального консенсуса. Формировавшийся средний класс внутренне созрел для принятия новой трактовки недавней истории, которая по существу подрывала идеологическую идентичность советского общества. Решающую роль в стимулировании делегитимизации коммунистического режима сыграла книга А. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ», имевшая глубокий моральный резонанс и серьезные идеологические последствия. «Архипелаг» способствовал девальвации исходных основ системы легитимации коммунистического режима (официальная трактовка «героического времени»).

Легитимность системы: преддверие кризиса. Демонстрация происхождения сталинского террора из террора времен революции и Гражданской войны сместила фокус общественного негодования со сталинизма на коммунизм, который таким образом превратился в главного виновника. Большой психологический и идеологический эффект книги А. Солженицына во многом обуславливался тем, что произведение аккумулировало тенденции, уже протекавшие в советском обществе, и вернуло их в общество в концентрированной форме.

Обличения Солженицына упали на подготовленную почву. «Архипелаг» сыграл роль пускового механизма, освободившего назревшие в обществе процессы. Это нанесло идеологическим основам коммунистического режима непоправимый удар. Началась его делегитимизация в советском среднем классе (с определенным лагом во времени этот процесс захватил и непосредственно связанные с режимом технократические субэлиты).

Потрясения, которые испытали официальная культура и общество после выхода «Архипелага», ускорили поиск коммунистическим режимом новых идеологических ресурсов. Правивший режим попытался укрепить политическую легитимность, не прибегая к идеологической модернизации и отказавшись от части новшеств предыдущего периода.

Одомашнивание темы космоса. Покорение космоса оказалось не особенно надежным в качестве свежего ресурса политической легитимности. В 1969 г. идеологическая монополия на космос была утрачена (американцы высадились на Луне). По общественному престижу коммунистического режима был нанесен серьезный удар. В последующем тема космоса стала редким примером культурной динамики с противоположным вектором — из официального центра на периферию.

Гуманистически окрашенная тема космоса эмансипировалась от официальной идеологии и интегрировалась в интеллигентскую литературную традицию, став частью позднесоветской западнической культуры. Важность гуманистического потенциала космоса для культурной динамики в позднем советском обществе удостоверяется феноменом писателей-фантастов братьев Стругацких, высокой популярностью произведений С. Лема и серьезных западных писателей-фантастов.

Поколение «победителей» сменяет поколение старых большевиков. В 70-х годах коммунистическому режиму удалось найти новые ресурсы политической легитимности, которые позволяли ему поддерживать общественный престиж до конца десятилетия. Одним из таких новых ресурсов стали пласты культуры, связанные с Великой Отечественной войной. Их подключение оказалось достаточно естественным. Поколение «старых большевиков» (носителей сакрализу-

щей травмы) отошло от дел и быстро уходило из жизни. Зато поколение «победителей» (носителей новой сакрализующей травмы) находилось в самом центре социальной жизни. Кроме того, обращение к «родовому героическому времени» (период революции и Гражданской войны) в качестве главной основы политической легитимности после проведенной модернизации становилось небезопасным. Апелляция к революции идеологически раскалывала общество по отношению к сталинизму.

Исполнение и контекст главных официальных праздников 70—80-х годов дают определенный ключ к пониманию превращения связанных с опытом Великой Отечественной войны пластов советской культуры в новый идеологический ресурс режима. Празднование 50-летия Октябрьской революции в 1967 г. можно считать последним мероприятием, когда центральный идеологический символ фигурировал в качестве главной опоры легитимности коммунистического режима. В ходе празднования 100-летия со дня рождения Ленина в 1970 г. в официальной интерпретации преобладали уже государственно-патристические тона. Главным было не то, что Ленин — это «великий теоретик» и «великий революционер», а то, что он — «создатель советского государства». В дальнейшем основной центр тяжести в системе легитимизации коммунистического режима фактически переносился на Великую Отечественную войну.

Как 9 мая стало важнее 7 ноября. В ходе подготовки и после проведения празднования в 1975 г. 30-летия победы в Великой Отечественной войне последняя неофициально сменила Октябрьскую революцию в системе легитимации коммунистического режима, а ее ветераны — «старых большевиков». Происходило своеобразное огосударствление неформальных встреч ветеранов у Большого театра, фронтовики переходили в льготную категорию в системе государственного распределения. Празднование 9 мая по размаху сравнивается и даже начинает превосходить празднование 7 ноября.

Кинематографическая трилогия «Освобождение» задает новый эпический образец официальной интерпретации Великой Отечественной войны, который в культурном отношении ставит ее в один ряд с «родовым героическим временем». В соответствии с этим новым образцом снимается серия кинолент, которые активно участвуют в культурном обороте в пространстве официальной культуры 70—80-х годов, навязывая массовому сознанию восприятие войны с фашизмом как нового актуального прошлого.

Внутренние заимствования как источник новой легитимации. Переключение на Великую Отечественную войну позволяло уйти от порожденного модернизацией идеологического раскола советского общества и опереться на идеологическую схему с высоким интеграционным потенциалом. Остальные поиски ресурсов общественного престижа шли в том же направлении, удаляясь от ценностей и культурных символов, сконцентрированных в сакральном ядре официальной культуры. Легитимность режима все чаще опиралась на внешние источники, привлекая ресурсы прежде вспомогательных пластов официальной культуры (литература, военная символика, глобальная вовлеченность).

Фигура генерального секретаря ЦК КПСС приравнивается к центральным фигурам официальной истории Великой Отечественной войны, «классикам советской литературы». Генсек становится Маршалом Советского Союза. «Облачаясь в военную форму, высшее партийное лицо торжественно объявило о со-

«Культура имеет значение»: к предистории российского транзита

впадении, более того, о симбиозе коммунистических и военных интересов, перемешав идеалы армии с социальными идеалами партии» [Вепм1992, с. 394].

Другой источник укрепления политической легитимности заключался в демонстрации внешнеполитического могущества коммунистического режима. На смену ритуальному интернационализму пришел имперский стиль. Глобальная вовлеченность реализовалась в двух формах: участие в региональных войнах сочеталась с политикой разрядки. Это позволяло легитимизировать режим с опорой на базовые ценности позднесоветской культуры — сохранявшийся культ сильного государства и актуализированные в период первой модернизации ценности мира, открытости и сотрудничества с Западом.

Ограниченность официального консенсуса. Новым коммунистическим руководством обществу был фактически навязан официальный консенсус. Общество в целом с ним согласилось, поскольку его культурным запросам были сделаны уступки. Оно заметно утратило интерес к политике и идеологии, все больше сосредоточиваясь на обустройстве частной жизни.

Но официально восстановленная граница между сакральными и секулярными началами в культуре не отличалась особой жесткостью. Она была проницаемой и постоянно нарушалась с обеих сторон. Официальный консенсус не остановил трансформационных процессов в культуре. Он изменил их темпы и глубину, придал им формы, наименее болезненные для официальной идеологии и политического режима. Однако консервация официальной культуры была уже невозможна.

Идеологическая дифференциация советских элит

Официальный консенсус не приостановил культурной дифференциации позднесоветского общества. В наибольшей степени ею оказались захвачены советские элиты и субэлитные группы. Модернизация привела к усложнению идейных ориентаций советских элит и разрастанию созданных ею субэлитных групп, включая и начавшую складываться контрэлиту (лидеры диссидентского движения).

Активизация субэлит. Ослабление официальной культуры и постепенная утрата партийным руководством четких идеологических ориентиров и политической воли создали благоприятные условия для активизации субэлит, которые превращаются в главных агентов культурной трансформации.

В этой среде на завершающем этапе культурной эволюции размежевание вышло за рамки официального идеологического канона. Если раньше идеологическое размежевание не шло дальше специализации внутри единой культурно-идеологической формы, то теперь оно приобрело характер подлинной дифференциации. Идеология советских субэлит окрасилась во все цвета политического спектра. Различия были лишь в яркости политических красок. В отличие от зарождавшейся контрэлиты связанные с коммунистическим режимом субэлитные группы соблюдали новые неписанные правила игры — запрет на перевод идеологических разногласий в публичную плоскость.

Раскол идеологических полюсов. Главным событием периода официального консенсуса стал раскол обоих противостоявших идеологических полюсов. Это не привело к преодолению биполярной схемы, сложившейся в период первой модернизации, но усложнило строение пространства позднесоветской культу-

ры. Противостоявшие друг другу полюса и прилегавшее к ним культурное пространство политически и идеологически расслаивались. В среде антисталинистов-западников произошел двойной политико-идеологический раскол. Политическая линия размежевания разделила их на две основные группировки в зависимости от отношения к правившему коммунистическому режиму.

Технократы-западники. Первая группировка сохранила политическую лояльность и ориентировалась на технократическую модернизацию режима. В среде антисталинизма, провоцировавший конфликт с режимом, отступил на задний план, а на передний вышло умеренное западничество. Из современных политических идеологий внутренние симпатии западников-технократов тяготели к социал-демократии. Эта субэлитная идеологическая группировка занимала сильные позиции. К этому времени в партийно-государственном аппарате и обществе сложилась солидная институциональная, социальная и профессиональная база технократической разновидности западничества.

В ходе малой модернизации высших звеньев партийно-государственного аппарата, начавшейся в середине 50-х годов с целью удержать за коммунистической партией господствующие позиции в науке, идеологии и культуре, возникла сеть специализированных научных учреждений. В середине 60-х годов к созданным ранее учреждениям прибавились Институт управления (впоследствии трансформировавшийся в Академию народного хозяйства), Институт конкретных социологических исследований, Институт США и Канады, Институт экономики мировой социалистической системы, Центральный экономико-математический институт, Всесоюзный научно-исследовательский институт системных исследований.

Группировавшийся вокруг советских мозговых центров немногочисленный, но влиятельный круг партийных интеллектуалов фактически находился в ситуации двойной лояльности. Политически они примыкали к реформистскому крылу в руководстве партии, но в культурном отношении тяготели к интеллигенции. Между ними и консервативным крылом партийного руководства установилось устойчивое культурное отчуждение и политическое недоверие. Звездный час этих партийных интеллектуалов наступил в годы перестройки.

Плюрализм диссидентской культуры. Вторая антисталинистская по происхождению группировка была представлена диссидентами, вставшими на путь морально-политического противостояния режиму. Они опирались на формировавшийся советский средний класс и, как правило, были составной частью наиболее модернизированного пласта позднесоветской культуры. Лишенная внешних ограничений диссидентская среда идеологически быстро расслоилась. Тон задавали три основные идейные группы — либералы-западники (А. Сахаров), социалисты (Р. Медведев, П. Егидес-Обовин) и сторонники патриархального русского идеала (А. Солженицын).

Идеологическая линия разделила антисталинистов в зависимости от их отношения к Западу. Антисталинские настроенные советские субэлиты оказались не затронутыми этим размежеванием. Здесь отношение к Западу и модернизации было почти единодушным, поскольку служило главной связующей силой в борьбе с противостоявшей антимодернизаторски настроенной группировкой субэлиты.

Идеологический раскол антисталинистов имел большие последствия в диссидентской среде. А. Солженицын, превратившийся к тому времени в главный

«Культура имеет значение»: к предистории российского транзита

символ противостояния коммунистическому режиму, заявил о своей особой позиции в борьбе группировок. В пространстве позднесоветской культуры началось формирование особого полюса русской патриархальности, основанного на идеализации дореволюционной традиции.

Сталинисты: фундаменталисты и русофилы. Противоположный идеологический лагерь не испытал политического раскола. Почти все сталинисты и близкие к ним группы входили в состав советских субэлит. Они ощущали определенное родство с эпохой официального консенсуса, начавшей реставрацию их главного символа веры, и полностью идентифицировались с имперскими притязаниями коммунистического режима. Сталинисты были политически лояльны. Главной причиной их размежевания стала идеология: сталинисты разделились на русофилов и фундаменталистов. Последние, однако, довольно быстро начали сдавать позиции.

Знаковым событием на фланге консервативной культуры оказалась публикация в прежде лояльном и не имевшем отчетливой идеологической позиции журнале «Москва» романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита». Это привело к усложнению конфигурации антизападнической литературно-журнальной партии. Вокруг каждого из входивших в нее журналов («Октябрь», «Москва», «Молодая гвардия» и «Наш современник») образовались полуавтономные центры. Все они, хотя и по-разному, стали сближаться с дореволюционной охранительно-консервативной позицией. Все большую роль в этой среде играли державность и национализм различных оттенков — от умеренного (очевидно, в силу особой близости к официальной культуре) до радикального. Среди политически лояльных русофилов были сторонники как традиционного православия, так и дохристианских славянских верований (например, академик Б. Рыбаков).

Культурная конвергенция. При всей внешней несхожести процессы дифференциации, протекавшие в каждом из противостоявших друг другу идеологических лагерей, отличались определенной симметрией. И Солженицын, и журнал «Москва» (а еще раньше журнал «Молодая гвардия») повернулись в одном направлении — к отсутствовавшему до той поры в культурном пространстве позднесоветского общества полюсу традиций. От каждого из идеологических центров отделилась фракция русского традиционализма (показательно, что она включила многих писателей-деревенщиков).

Значение культурной инициативы журнала «Москва» выходит далеко за пределы лагеря умеренных националистов, к которому он стал после этого принадлежать. Введение в культурный оборот «Мастера и Маргариты» повлияло практически на все группировки. Знакомство интеллигенции с романом Булгакова стало поворотной точкой от атеизма к религии и вере [Вайль, *Генис* 1996, с. 26]. На противоположном идеологическом полюсе значительная часть диссидентов-западников также начинали разделять религиозные взгляды. Связующей фигурой между ними и православием стал священник о. Александр Мень.

Отсутствовавший в культурном пространстве полюс религии и традиций постепенно превращался во все более притягательный. Тяготение к нему в субэлитных группах ощущается гораздо сильнее, чем в массовом сознании. Создается впечатление, что он был настолько силен, что притягивал к себе оба основных полюса советской культуры. По параллельным и не пересекавшимся траекториям антисталинисты и сталинисты, западники и антизападники сближались с религией и традициями.

Свежие ресурсы с полюса традиций. При ближайшем рассмотрении становится ясно, что однонаправленное смещение двух различных полюсов было порождено не притяжением отсутствующего третьего полюса, а поисками главными соперниками дополнительных культурных ресурсов (прежде всего сакральных), которые они стремились ассимилировать или включить в поле своего влияния в культурном пространстве. В позднесоветской культуре секуляризация достигла своего естественного предела.

Возобновилась тяга к сакральному началу в культуре. (Последующая секуляризация во время перестройки и в постсоветский период была уже связана с преодолением культурой своей советской идентичности.) Полюс религии и традиций был слаб, но после омертвления коммунистической светской религии он оказался единственным обладателем сакральных ресурсов в пространстве позднесоветской культуры. Сакральных ресурсов не хватало каждому из основных идейных противников, но в разной степени.

Различная потребность в сакральности определила разницу во взаимоотношениях каждой из двух фракций русской патриархальности со своим материнским центром. Антисталинский и прозападнический по происхождению вариант русского традиционализма сложился в полуавтономный полюс, а его материнский центр полностью сохранил позиции в культурном пространстве и со временем резко расширил свое влияние. Напротив, сталинистская и антизападническая по происхождению версия русского традиционализма фактически ассимилировала материнский центр, в котором державный национализм полностью заменил коммунизм в качестве подлинной, внутренней идеологии.

Там коммунизм сохранялся лишь как идеологическая оболочка по политическим соображениям: в позднесоветский период — из нежелания портить отношения с партийной элитой и подставлять себя под удар близкой к власти технократической группировки западников, в постсоветский период — из опасения оттолкнуть основную массу избирателей идеологически родственной КПРФ, для которых коммунизм и его основные символы стали стержнем консервативной советской традиции. Исчезнув как идеология в позднесоветских элитах и субэлитных группах, коммунизм сохранился на социальной и культурной периферии общества. Это создавало естественные пределы для националистического разрыва с коммунизмом.

Русская патриархальность: антипатии и симпатии. Различия во взаимоотношениях с русской патриархальностью объясняются спецификой противостоящих идеологических полюсов. В силу своего происхождения из предельно сакрализованной культуры «большого стиля» сталинисты-антизападники гораздо сильнее зависели от наличия сакральных ресурсов. Более светская и рационалистическая культура антисталинистов-западников делала их менее зависимыми от активного сакрального начала, хотя внутренняя потребность в религии и вере начала ощущаться и там.

Тяготение к противостоящим идеологическим полюсам, определявшим культурную динамику в позднесоветском обществе, ослабляло обозначившийся в культурном пространстве полюс русской патриархальности. Он находился на пересечении двух полей притяжения с противоположными векторами. Сторонники русской патриархальности оставались неконсолидированными и разделенными изнутри по двум линиям — отношением к западничеству и к сталинизму и коммунизму.

«Культура имеет значение»: к предистории российского транзита

Политические союзы конкретных представителей этого полюса зачастую выстраивались в зависимости от того, какая из двух основных антипатий оказывалась более сильной. Антизападничество В. Белова, В. Распутина и В. Солоухина в конечном счете оказалось более сильным, чем враждебность к политическим наследникам сталинского разрушения русской деревни. Напротив, антисталинизм Ф. Абрамова и Б. Можаяева брал верх над отчужденностью от модернизируемой культуры. В. Астафьев в годы перестройки и постсоветский период после острого столкновения с западником Н. Эйдельманом занял активную антикоммунистическую позицию.

Рождение государственников. Тем не менее возникновение неконсолидированного полюса русской патриархальности на культурной карте позднесоветского общества привело к определенной идеологической диффузии, возникновению в системе ориентаций элитных и субэлитных групп переходных и промежуточных позиций. На границе, разделявшей последовательных сторонников технократической модернизации, советских консерваторов-фундаменталистов и русофилов, постепенно формировалось новое направление, которое получило название государственников. Так в узком кругу именовали себя многие работники высшего партийного аппарата, старавшиеся дистанцироваться от идеологических крайностей.

Это самоназвание служило своеобразным синонимом солидности, ответственной политической позиции (и для многих было просто удобным прикрытием политического конформизма). Появились и другие разновидности промежуточных идеологических позиций. Возникла специализированная версия русской патриархальности в лице сторонников защиты окружающей среды. Пограничную позицию между западниками и русофилами на время занял академик Д.С. Лихачев (небольшая работа начала 80-х годов «Заметки о русском»).

* * *

Авторский подход к анализу культурной динамики в позднесоветский период позволяет по-новому взглянуть на проблему готовности российского общества к переменам. Позднесоветская культура, унаследованная постсоветским обществом, перестала быть единым традиционалистским монолитом и превратилась в дифференцированное образование, которое включало не только ограничители, но и внутренние ресурсы для общественной трансформации. По мнению автора, модернизированный пласт культуры, сложившийся в позднесоветском обществе в результате внутренних сдвигов, стал основой глубоких общественных перемен в постсоветский период и задал их основные рамки.

Литература

- Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М., 1979.
Бурлацкий Ф. Вожди и советники. М., 1990.
Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека. М., 1996.
Верт Н. История советского государства, 1900-1991. М., 1992.
Волков В. Советская цивилизация как повседневная практика: возможности и пределы трансформации // Куда идет Россия? М., 1997.
Геллнер Э. Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники. М., 1995.

- Гозман Л., Эткинд А. Культ власти. Структура тоталитарного сознания // «Осмыслить культ Сталина». М., 1989.
- Живов В. Кошунственная поэзия в системе русской культуры конца XVII — начала XIX века // Анти-мир русской культуры. Язык. Фольклор. Литература. М., 1996.
- Зудин А. Истоки перемен. Культурная трансформация позднесоветского общества // Мировая экономика и международные отношения. 1999а. № 4, 5.
- Зудин А. Культура советского общества: логика политической трансформации // Общественные науки и современность. 1999б. № 3
- Ионин Л. Социология культуры. М., 1996.
- «Исключить всякие упоминания...» Очерки истории советской цензуры. Минск; М.: 1995.
- Карпинский Л. Новая рабочая арена. Научно-техническая революция и советский рабочий класс // Новый мир. 1972. № 5.
- Левада Ю. Советский человек и западное общество: проблема альтернативы // Левада Ю. Статьи по социологии. М., 1993.
- Магун В. Российские трудовые ценности в сравнительной перспективе // Социологические чтения. Вып. 2. М., 1997.
- Октябрь. 1990. № 8.
- Паперный В. Культура Два. М., 1996.
- Полис. 1992. № 5-6.
- Раев М. Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции. М., 1994.
- Седов Л. И жнец, и жрец. К вопросу о корнях культа Вождя // Осмыслить культ Сталина. М., 1989.
- Славкин В. Памятник неизвестному стилиге. М., 1996.
- Соколов Э. Культура и личность. Л., 1972.
- Социологический журнал. 1995. № 3.
- Успенский Б. Раскол и культурный конфликт XVII века // Успенский Б.А. Избранные труды. Т. I. Семиотика истории. Семиотика культуры. М., 1996.
- Успенский Б.А., Живов В.М. Царь и Бог. Семиотические аспекты сакрализации монарха в России // Успенский Б.А. Избранные труды. Т. I. Семиотика истории. Семиотика культуры. М., 1996.
- Фурман Д. Сталин и мы с религиозоведческой точки зрения // Осмыслить культ Сталина. М., 1989.
- Хрущев Н. Воспоминания. М., 1997.
- Человек без прилагательного // Грани. 1970. № 77.
- The World Today. 1980. April.